

Пожечник

МАРЬОЛЕЙН ХОФ

ДЛЯ
ТЕХ, КТО
ЛЮБИТ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПЕРЕВЕЛА
ЕКАТЕРИНА
ТОРИЦЫНА

Лучшая новая книжка

Марьолейн Хоф

Ложечник

«Самокат»

2018

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)6-4

Хоф М.

Ложечник / М. Хоф — «Самокат», 2018 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-00167-532-7

Янис живет со стариком Фридом на вершине горы, вдали от цивилизации. Мир опасен, а Великая хворь хитра – так твердит Фрид Янису с самого детства. Сам же старик иногда спускается с горы, чтобы выменять на припасы ложки, которые Янис искусно вырезает из дерева. Но однажды Фрид не возвращается в хижину. Еда заканчивается, и тогда Янису остается одно: навьючить ослика, свистнуть собаку Локу и отправиться на поиски Фрида – навстречу опасности. Книга «Ложечник» Марьолейн Хоф – одной из самых издаваемых и читаемых современных детских писателей Нидерландов – написана в лучших традициях классических приключенческих романов в духе Астрид Линдгрен, Тонке Драхт и Теи Бекман. Книги Марьолейн Хоф переведены на английский, польский, французский, немецкий, турецкий, словенский, вьетнамский и многие другие мировые языки и награждены престижными литературными премиями «Золотое перо», Золотая сова» и «Премия юных читателей».

УДК 821.112.5-31

ББК 84(4Нид)6-4

ISBN 978-5-00167-532-7

© Хоф М., 2018

© Самокат, 2018

Содержание

Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и все остальное	6
Эй ты, там, слышишь меня?	10
Схенкельман со всем его скарбом и осликом	12
Ты тогда был на один зубок. Маленький и тощий. Но сейчас...	17
У Яниса есть ослик, две корзины и пустой желудок	21
Мир велик, бесконечно велик	24
А ну-ка! Сейчас или никогда	28
Добавки? А платить кто будет?	31
Но вот ботинки Фрида он больше не наденет	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марьолейн Хоф

Ложечник

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

Copyright © 2018 by Marjolijn Hof Original title Lepelsnijder

First published in 2018 by Em. Querido's Uitgeverij, Amsterdam © Хоф М., текст, 2023

© Екатерина Торицына, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Посвящается Отто, целиком и полностью

Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и все остальное

Уже много дней они ели жидкую кашу с крапивой. Самое время Фриду пойти за свежими припасами. Он стоял в дверях с мешком за спиной. Было раннее утро, солнце еще пряталось за гребнем горы над хижинкой.

Янис потер сонные глаза.

– Ну, я пошел, – сказал Фрид. – А ты береги себя. Великая хворь хитрее, чем ты думаешь.

– Знаю, – ответил Янис.

– Она подкрадывается и поверху, и понизу, забирается в любую щель.

– Знаю, – ответил Янис.

– А еще?..

– Она ползет ползком, скачет скоком, стелется по земле и плывет по воде. От человека к человеку, от дома к дому.

Янис называл одно за другим торопливо – чем быстрее, тем лучше. Когда долго говоришь о Великой хвори, то как будто ее призываешь. С каждым словом она всё ближе.

– А еще? – повторил Фрид. – Она оттяпает?..

– Оттяпает тебе нос, и пальцы, и всё остальное.

– И значит?

– Нужно всегда быть начеку, – закончил Янис.

– Всегда-всегда, – подтвердил Фрид.

Янис глянул на скамейку перед хижинкой. На ней лежало приготовленное Фридом полешко, расколотое надвое, – чтобы Янису было чем заняться. Этих двух половинок хватит на две ложки. Так легче всего: если быть при деле да рано ложиться спать – дни проходят быстрее.

– Ставни нужно закрывать, – напомнил Фрид.

– Хорошо.

– Повтори.

– Закрывать ставни.

– А с засовом что?

– Дверь на засов, ставни закрыть, Локу запустить в дом и...

– И всё.

Фрид вышел за дверь, пересек двор и зашагал по тропинке. Янис пошел за ним. Но только до края двора, дальше ни-ни.

– Принесешь мне вишенку?

Фрид обернулся.

– Опять ты со своей вишенкой. Любопытство – мать всех бед, заруби себе на носу. Или хочешь, чтобы я зарубил? – Он подмигнул. Одна серая бровь уехала вниз. – Оглянуться не успеешь, я такие зарубки сделаю, что ой-ой!

Янис подмигнул в ответ: сначала зажмурил оба глаза, а потом один открыл.

Фрид рассмеялся.

– Тебе никогда не научиться, малыш.

И, махнув на прощание рукой, пошел дальше. Янис смотрел ему вслед. Тропинка вилась по склону вниз и там ныряла в сплетение веток и стволов. Лока заскулила, ее хвост медленно ходил вправо-влево.

– До встречи! – донесся из леса голос Фрида.

– До встречи! – крикнул Янис.

Ничего не поделаешь, иногда Фриду нужно уходить. Спускаться с горы и перебираться через пропасть в долину по ту сторону ущелья. Он относил туда товары на обмен. На дне кожного заплечного мешка несколько шкурок, потом три полные бутылки целебного травяного

напитка, потом остальные шкурки, чтобы ничего не разбилось, а сверху деревянные ложки. На мешок нашиты медные кольца, и к ним привязано веревкой шерстяное одеяло – это чтобы не замерзнуть в дороге. С одной лямки свисает пустой кувшин, с другой – связка силков на кроликов.

На обратном пути Фрид тащил в гору новые припасы. Ячмень, топленый свиной жир – смалец, соль, ламповое масло в кувшине и притороченные поперек мешка заготовки для ложек. На ремне у него болталось несколько кроликов.

Фрид был хорошим браконьером.

– Нужно понимать, что кролик думает, – однажды сказал он. – Вот в чем секрет. Догадаться, что у него в голове.

Янис не знал, что у кролика в голове. Те, которых приносил Фрид, думать не могли, они уже были мертвые. Мясо – в бочку с рассолом. Отходы доставались Локе, она сгрызала уши, по одному за раз, остальные прятала под кроватью.

После каждой мены еды было вдоволь. Они ели густую ячменную кашу и соленое кроличье мясо. Со временем порции начинали уменьшаться, а каша в конце концов становилась такой жидкой, что уже не утоляла голод. Какое счастье, что у них были куры, которые несли яйца.

Припасы заканчивались и бочка с рассолом опустевала всегда раньше, чем хотелось бы. Раз в несколько недель Фрид закидывал за спину мешок. Весна ли, лето ли, осень или зима – приходилось спускаться вниз, чтобы обмениваться и охотиться на кроликов. Год за годом.

В свое время Фрид распределил обязанности. Тогда они только поселились в этой хижине, и все было ново и непривычно. «Ты уже достаточно большой, чтобы держать метлу, – сказал Фрид. – И оттереть котелок вполне сумеешь». Сам Фрид готовил целебное зелье из трав, потрошил кроликов и выделял во дворе их шкурки.

Однажды он вернулся с книгой, бумагой и чернилами. Заострил кончик вороньего пера. Янис должен был научиться читать и писать. В книге были слова, и к ним картинки: мужчины и женщины, кареты с лошадьми, коровы и овцы, дикие звери, а на одной странице были деревья с плодами. Янис учился писать «слива» и «вишня», хоть ни разу не пробовал ни сливы, ни вишни. Он смотрел на картинки и водил пальцем по черным контурам.

– Какой у вишни вкус?

– Вишневый, – ответил Фрид. – И еще она красная.

– Значит, у нее красный вкус, – сказал Янис. Он закрыл глаза и представил себе красную вишню. – Сладко. Красный – это сладко.

– Бывает и кисло, – сказал Фрид.

– Выменяй ее на кроличью шкурку, – предложил Янис. – Одну кроличью шкурку на одну вишенку!

В тот раз Фрид вернулся домой с двумя мешками ячменя и большим шматом смальца.

Янис огорчился.

– А вишенки не было?

– Нет, – ответил Фрид. – Вишенки никогда не бывает. Вишня не из наших краев. Радуйся тому, что есть, и будешь счастлив.

Янис переписал все слова из книги, все до единого. А потом стал писать слова, которые слышал и говорил сам. Фрид проверял его успехи.

– *Паленица*? Неправильно.

Перо Яниса опять закрипело по бумаге. «*Паленица*».

– Молодец, малыш, – похвалил Фрид.

Он засадил Яниса за работу. На бутылки с травяным зельем нужно было наклеить ярлыки.

– Средство от каждодневных недугов, – диктовал он. – Изготовлено по секретному рецепту, состоящему из знаний и лучших трав.

– Это как-то странно звучит, – сказал Янис.

Фрид постучал пальцем по столу.

– Ты давай пиши, что я говорю. «Изготовлено по секретному рецепту, состоящему из знаний и лучших трав». За это мне дают хороший смаlec. Обмен – дело такое.

«Сретство от каждадневных недугов», – написал Янис.

– А хворь... она тоже каждодневный недуг?

– Нет, – ответил Фрид. – Великая хворь хуже всех каждодневных недугов вместе взятых.

Он сварил клей из кроличьих косточек и наклеил ярлыки на бутылки.

С меной у Фрида все получалось прекрасно. Он всегда возвращался с чем-то новеньким, приносил то корзину с курами, то штаны. Иногда колбасу или окорок. А как-то раз он достал из мешка сверток с ножами и резцами и маленький топорик с острым лезвием.

Янис научился вырезать по дереву. Сначала делал самые простые ложки, без хитростей. Древесину брал сосновую, из леса. Но уже скоро он начал украшать черенки ложек. Фрид по дороге домой стал выискивать ему древесину получше – приносил сколько мог. Возвращался из своих вылазок весь сгорбленный.

Янис вырезал цветочные побеги и диких зверей, которых видел на картинках в книге. У него хорошо получалось, так хорошо, что однажды Фрид взял его руки в свои и вздохнул.

– У тебя дар, малыш, смотри не растеряй его. Ты пришел в этот мир, чтобы творить красоту.

Помогать с выделкой кроличьих шкурок Фрид не разрешал. А когда шел на двор забивать курицу, велел Янису сидеть в хижине.

– Есть созидатели, а есть разрушители, – объяснял Фрид. – Я вот разрушитель. Освежываю кроликов да забиваю кур. Ты – созидатель, ты создаешь что-то из ничего. А уж если ты созидатель, то нужно быть осторожным. Главное – ничего не разрушить. Не запачкать руки кровью. Созидателям ничего нельзя разрушать, а разрушители не могут ничего создавать. Так уж заведено в этом мире.

– А что случится, если я что-то разрушу?

– Тогда с ложками будет покончено. Кроликов ловит браконьер. Кур режут деревенские олухи. Ничего хорошего они за свою жизнь уже не смогут создать.

И вот сейчас Фрид со своим мешком и силками на кроликов опять спускался вниз с горы. А Янис со своими чурками для ложек остался один. Он стоял на самом краю двора. Лес поскрипывал. Треск от шагов Фрида разносился такой, будто он кубарем летит с горы. Янис прислушивался. Пока Фрида слышно, он еще не один. Вот хруст вдалеке. Голос Фрида. Песню поет или кричит что-то? Не разобрать. Сейчас долетят последние обрывки, и на этом всё.

Ушел Фрид на четыре дня, самое худшее на пять.

Работать – вот что главное. И не слишком загружать себе голову. Янис подмел хижину, потом двор, потом еще раз хижину. Время от времени посматривал в сторону леса. Великая хворь ведет себя тише, чем Фрид. Даже когда она подойдет совсем близко, слышно не будет.

Закончив с уборкой, Янис сходил к ручью за водой. Сварил четыре яйца. Почистил их на скамейке перед хижинкой. Порция Фрида досталась Локе. Куры снесут еще.

Весь оставшийся день он вырезал ложки. К куску дерева нужно сначала присмотреться, отгадать, что он в себе таит. Черпачок у ложки получится глубокий или нет? Черенок будет прямой или изогнутый? Дерево – материал своенравный, того и гляди наткнешься на сучок. Сначала берешь топорик и делаешь форму начерно, это быстро. Потом начинается более тонкая работа. Первая ложка получилась с глубокой чашечкой и прямым черенком. По черенку Янис вырезал деревце. А сверху будет сова, с перышками и коготками.

Янис работал, пока не заурчало в животе. Ничего, есть каша, можно ее разогреть и есть прямо из котелка, а если захочется чего-нибудь вкусенького, то на полке в глиняном горшке лежат сушеные ягоды.

Перед наступлением сумерек он загнал кур в курятник. Чтобы дверца курятника случайно не распахнулась, подпер ее камнем.

Позабывшись о курах, Янис вместе с Локой вошел в хижину. Там он зажег светильник, хиленького пламени едва хватало на то, чтобы разогнать тьму вокруг кровати. Потом задвинул засов на двери и закрыл ставни. Лока потопталась на полу и, глубоко вздохнув, наконец улеглась на соломенный половик у двери.

Янис укрылся своим одеялом из кроличьих шкурок. Это Фрид сшил их между собой: большие и маленькие, серые и коричневые, а одна в черную крапинку. Случалось, что приходило время подшивать к низу одеяла новую полоску меха.

– Как-то ты слишком быстро растешь, – ворчал Фрид.

– Я не нарочно, – отвечал тогда Янис.

– Не нарочно? Это называется не нарочно? А вся эта еда сама к тебе рот закладывается?

Впредь Янис будет стараться есть поменьше. И тогда Фриду не придется так часто уходить.

На исходе четвертого дня Янис сидел на пеньке и вырезал ложки. Он прислушивался и время от времени даже привставал, чтобы лучше видеть тропинку. Фрид мог появиться из леса в любой момент. Но вот сгустились сумерки, и стало понятно, что сегодня можно уже не ждать. Янис вернулся в дом, запер дверь на засов, а ставни на крючок.

Прошла ночь, за ней пятый день, потом опять ночь, потом шестой, а Янис все был один. Ложку с совой он уже закончил. Следующая тоже была почти доделана. Солнце опускалось все ниже. Сидеть во дворе становилось боязно.

В доме он зажег светильник. Масла оставалось совсем чуть-чуть, огонек подрагивал и плевался. Янис лег в кровать и натянул кроличье одеяло до самых ушей, так что мех касался щек.

– Вот скажи мне, – спросил бы Фрид, – у кроликов мех внутри или снаружи?

– Снаружи.

– И я о том же. Матушка-природа распорядилась так не зря. Ну-ка, давай переворачивай как положено.

Но до чего же обидно, когда одеяло повернуто к тебе не мягкой стороной!

Фитилек погас. Наступила крошечная тьма. Осталось переждать всего одну ночь, и Фрид вернется. Одну последнюю ночь. Не распускать нюни, а побыстрее заснуть. Вот Фрид вообще в лесу сейчас спит, это гораздо страшнее. Великая хворь любит темноту. Она ползет ползком, скачет скоком, стелется по земле и плывет по воде. От человека к человеку, от дома к дому. Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и все остальное. Великая хворь хитра, но Фрид хитрее. Сейчас его нет, на этот раз долго. Но мало ли что. То ли обмен не заладился, то ли кролики попрятались. Да нет же, все как раз наоборот! Фрид столько всего выменял, что еле идет. Бедный Фрид, он и так-то сутулый, а сейчас, значит, и вовсе ковыляет чуть ли не носом в землю. Набрал колбасы, хлеба, сыра, да еще и новое ведро небось тащит, старое-то уже прохудилось.

Пора спать. Еще одна ночь. Ничего не должно случиться. Дверь надежно заперта на засов, ставни закрыты, Лока на половике.

Эй ты, там, слышишь меня?

Посреди ночи Яниса разбудил грохот.

Кто-то со всей силы колотил в дверь.

– Эй ты! – проорал мужской голос. – Открывай!

Лока с лаем бегала туда-сюда по хижине, скребя когтями по полу.

– Открывай давай! – кричал голос.

Янис повел себя так, как учил Фрид: застыл на месте. Как детеныши косули и зайчата – они замирают и притворяются, что их нет.

Раздался сильный удар. С грохотом затрясся засов. Самой двери было не видно, слишком темно.

– Ну! – потребовал голос.

Янис с головой зарылся в одеяло и старался не дышать. Должно казаться, что все ушли и в доме никого нет, кроме громадной собаки с острыми оскаленными зубами.

– Я знаю, что ты там!

Под одеялом голос было слышно хуже, но слова всё-таки можно было разобрать. Яниса бросило в жар. Сердце бешено колотилось – так громко, что и за дверью может быть слышно.

– У меня для тебя есть новости, – донеслось снаружи. – О твоём Фриде. Эй ты, там, слышишь меня?

Янис сжал губы еще плотнее.

– Знаю, что не спишь, – продолжал голос. – Кого-кого, а меня не проведешь.

Затем всё стихло.

Янис сел в кровати. Несколько мгновений ничего не происходило. Янис замер в ожидании, чувствуя, что голос тоже ждет. Надеется, что Янис себя чем-нибудь выдаст. Зарычала Лока. Рядом с хижинкой послышался хруст шагов. От двери, за угол, вдоль поленницы. Янис соскользнул с кровати и на ощупь проверил в темноте крючок ставен. Уф, закрыто.

– Эй, малец, да не бойся ты. – Голос был совсем рядом, их разделяли только стекло и трухлявая древесина ставен. – Это я, Схенкельман. Торгую вразнос носками да шнурками, куртками да платьями, шапками да перчатками.

Янис отступил на шаг. Совсем тихо, чтобы не издать ни звука. Еще шаг. Не отвечать. Ни единого слова. Сухой ком в горле. Янис сглатывал и сглатывал, пока не стало трудно дышать. Еще один шаг. Но позади оказалась табуретка. Она опрокинулась и стукнулась о стену.

– Я так и знал! – обрадовался Схенкельман. – Не спишь, конечно.

Янис, не в силах больше сдерживаться, открыл рот.

– Фрид? – окликнул он тоненьким голоском. Он знал, что Фрида там нет, но не мог не спросить. – Это ты?

– Тю-тю твой Фрид, – ответил через дверь Схенкельман. – Не жди его больше. Я уже битый час пытаюсь это тебе втолковать.

– Он ушел на обмен, – возразил Янис. – И вот-вот вернется.

– Да не вернется он, – уверенно сказал Схенкельман. – Никогда.

К Янису подошла Лока. Он ухватил ее за курчавую шерсть на загривке. Она испуганно взвизгнула.

– Дай мне войти, – потребовал Схенкельман. – Я в дороге уже много часов!

– Открывать нельзя. У тебя... сам знаешь что.

– Что?

– Сам знаешь что! – повторил Янис. – Великая хворь.

– Кто тебе это сказал?

– Фрид.

– Фрид тебе больше не указ, – сказал Схенкельман. – Пойми уже наконец. Ты остался один, малец. Он удрал.

– Врешь ты всё, – буркнул Янис. Эти слова прозвучали недостаточно зло. Даже наоборот, ни капельки не зло. Тогда он крикнул: – Врешь ты всё! Убирайся отсюда!

И отпустил Локу. Собака с лаем бросилась к окну.

– Никуда я не уйду, – перекрикивая лай, возразил Схенкельман. – Не уйду, пока не скажу всё, что должен сказать. Меня сюда не просто так прислали!

Испугавшись вдруг, что, несмотря на темноту, Схенкельман разглядит его сквозь щели в стене, Янис прокрался назад к постели. Лока осталась у окна и продолжала лаять. А потом с рычанием направилась к двери.

– Взять его, – тихо произнес Янис. – Хватай!

Слух у Схенкельмана был отменный. Или он умел читать мысли?

– Ты же не думаешь, что я боюсь твоей тывкалки? – крикнул он.

Янис зажмурил глаза. Не будет он плакать. Да и что тут плакать, если Схенкельман нагло врет? Фрид вернется, а Схенкельман врет, врет! Вот ведь враль несчастный. Мерзкий и подлый враль. У Яниса защипало в глазах. Ну вот, всё-таки расплакался. Лока почувствовала, подбежала к кровати. Лизнула его в щеку. Янис от нее отмахнулся и уткнулся лицом в подушку.

Схенкельман со всем его скарбом и осликом

Утренний свет пробивался сквозь щели в стенах: просачивался вдоль ставен и через дыру в прогнившей доске. Янис стоял у двери. Ждал и прислушивался: вовсю щебечут птицы, в курятнике кудахчут куры, а чуть поодаль журчит, пробегая по своему скалистому руслу, ручеек. Ничего необычного, всё как всегда. Но есть и еще кое-что. Янис поднес ухо к самой двери. Во дворе горит костер – слышно, как потрескивают дрова. А теперь и дым от костра долетел, а с ним запах жареного мяса. А вдруг это Фрид – вернулся и сидит себе, жарит кролика! Янис положил руку на засов. Да, но Фрид никогда не разводит костер так близко к хижине. А сегодня что же? А сегодня развел! Потому и плывет запах жареного изо всех щелей. Янис отодвинул железную пластину.

В этот момент Схенкельман запел во всю глотку и жутко фальшиво:

*Надо пряжи или лент?
Тростника сплести корзину?
Или сена для стога?
Или гуся для гусьни?
Или чмокнуть кой-куда?*

Во дворе был не Фрид, Янис мог бы и сам догадаться. Разве Схенкельман не говорил, что будет ждать? Ну, он и поет: вот, мол, я. Попробуй меня прогони.

*Надо хлопка или льна?
Нужен короб для зерна?
Надо хвоста для печки?
Иль барана для овечки?
Или чмокнуть кой-куда?
Да-да-да-да-да-да-да!*

Посреди «да-да» Янис услышал, как кричит ослик. Ух ты, настоящий ослик! Просто голова кружится от всего нового. Можно больше не притворяться, что его тут нет, Схенкельману известно, что это не так. К тому же Схенкельман называл его ночью «мальцом» – получается, знает, что Янис не такой уж большой и сильный. А вот Янис про Схенкельмана не знает ничего. Схенкельман может оказаться ниже, чем Фрид, или выше, толще или тоньше, такой же старый, как Фрид, или гораздо моложе.

Да-да-да-да-да-да-да!

Любопытство – мать всех бед. Но что же делать, если вот, в двух шагах от хижины, со своими носками и шнурками, куртками и платьями или, может быть, шапками сидит какой-то Схенкельман? Со всем своим скарбом и осликом!

Или чмокнуть кой-куда-а-а?

Лока на своем половике поскуливала, ей не терпелось выйти. Янис приоткрыл дверь, так чтобы в случае чего сразу можно было захлопнуть. Лока выскочила во двор. Янис смотрел ей вслед: вот она резво пробежала мимо Схенкельмана в угол двора, сделала свои дела и, гавкнув, потрусила обратно.

– Ого, – сказал Схенкельман, – какая страшная псина.

Он был моложе и щедрее Фрида. Вроде не больной. Нос на месте и пальцы тоже. Янис не мог оторвать от него взгляд. Надо же: человек. Другой человек, не Фрид.

Лока подошла к Схенкельману и обнюхала его. Хвост заходил туда-сюда.

– Пшла! – отмахнулся Схенкельман.

Лока легла на землю и перевернулась на спину. Схенкельман похлопал ее по брюху.

Янис тихонько отворил дверь пошире. И шагнул вперед.

Схенкельман остался сидеть, как сидел.

– Ты хорошая псина? – спросил он у Локи. – Да, вижу, что хорошая.

Босиком и в одной рубаше Янис прошел вдоль хижины. Завернул за угол к сараю и чуть не налетел на ослика. А рядом с этим осликом стоял еще один. Янис попятился и стукнулся ногой о камень, торчащий посреди дорожки, ссадил себе щиколотку. Дурацкий булыжник, Фрид уже много лет обещал его выковырять и оттащить в сторону. «Вот вернусь с обмена, всё сделаю», – обещал он каждый раз.

Схенкельман, оказывается, привязал осликов к кольцу в двери сарая. Оба дремали стоя. У каждого на спине было деревянное седло с двумя корзинами по бокам. Один ослик был побольше и коричневый, у него был недовольный вид. Другой, поменьше, – серенький с белой мордой и пушистыми ушами. Янис погладил его по мягкому носу между ноздрями. Серый ослик вздохнул, приоткрыл глаза, а потом опять закрыл.

Схенкельман снова завел свою песню:

*Надо пряжи или лент?
Тростника сплести корзину?*

Янис медленно, шаг за шагом, пошел в его сторону. Нельзя терять бдительность: пусть у Схенкельмана совершенно нормальный нос, что-то другое у него может быть не в порядке, да и вообще, даже если у человека все пальцы на месте, он может принести Великую хворь на себе и рассеять ее вокруг.

*Или сена для стога?
Или гуся...*

– Замолчи! – сказал Янис.

– Полностью с тобой согласен, – ответил Схенкельман. – Гуся для гусыни... что это на меня нашло с утра пораньше? Нет бы вспомнить песенку попростойнее.

Он опустился на колени перед костром. Он уже успел сделать вертел – из двух рогатин и одной прямой ветки. На нее была насажена ощипанная птица. Лока лежала рядом и исходила слюной.

Схенкельман снова принялся мурлыкать себе под нос ту же песню, уже без слов.

– Черт, что ж это я такое пою, – одернул он сам себя. – А ведь не хотел. Как пристанет, так не отвяжешься.

Янису было всё равно, что там Схенкельман поет. Пусть вообще молчит. Не поет, не напевает и уж точно не разговаривает.

Схенкельман потрепал Локу по холке.

– Тебе бы сторожевую собаку завести. Настоящую, а не это вот чудо в перьях. Людей нехороших на свете много, а ты тут на отшибе.

Янис бросил взгляд на курятник. Камень по-прежнему подпирает дверцу. Внутри кудахчут куры.

– Боишься недосчитаться? – хмыкнул Схенкельман. – Не бойся, я не куриный вор.

– А это у тебя что? – спросил Янис.

Схенкельман поднял вертел с рогатин и покрутил им в воздухе.

– Эту я сам поймал, и это не курица, а куропатка. Куропатки – это тебе не куры.

– Где Фрид? – спросил Янис.

– Хоть убей, не знаю.

– Когда он вернется?

– Да не вернется он, как ты не понимаешь.

Схенкельман потыкал заостренной палочкой готовящуюся птицу. Из нее потек сок, и костер зашипел.

– Убег он, паренек. Несся так, будто за ним черти гонятся. И хорошо, что сам, а то в деревне он всем до смерти надоел. Не ушел бы, мы бы его кулаками выпроводили!

Янис сел на землю.

– В какой деревне?

– А, так Фрид не сообщал тебе, куда уходит? К нам он, значит, наведывался регулярно, а тебе об этом знать было необязательно?

Тут Схенкельман впервые посмотрел на Яниса прямо, а Янис на него. Лицо худое, рот кривой. На голове войлочная шапка, из-под шапки торчат темные курчавые волосы.

Янис отвел взгляд.

– Фрид ушел в то место, где всё на всё меняют, – пробормотал он. – А сейчас возвращается домой.

– Зря надеешься, – сказал Схенкельман. – Фрид в два счета найдет себе нового слугу. Таких дурачков, как ты, на свете полно.

– погоди, вот Фрид вернется и задаст тебе.

– Да не вернется он, – лениво повторил Схенкельман. – Клянусь.

Он приложил ко рту два пальца и плюнул через них в костер.

– Но ты не горюй. Нечего по этому Фриду слезы лить. Я вот как думаю: пусть это станет для тебя началом новой жизни. Можешь пойти, куда хочешь. – Он улыбнулся, отчего рот его скривился еще больше. – Ты свободен!

Янис сидел, обняв колени руками, и медленно покачивался вперед-назад. Схенкельман всё говорил и говорил, но никакого смысла в его словах не было. Нос и пальцы у него на месте, но вот с головой что-то явно не в порядке. Может, Великая хворь уже проникла в нее и разъедает ее изнутри.

Схенкельман наклонился вперед, чтобы положить руку Янису на плечо.

– Не касайся меня! – вскрикнул Янис.

– Как скажешь. – Схенкельман отдернул руку, сбив локтем вертел. – Да не переживай ты так.

– Ты принес с собой Великую хворь, – пояснил Янис, – вот и не трогай меня.

– Нет у меня никакой хвори, – ответил Схенкельман. – Ни великой, ни даже малой.

– Она ползет ползком и скачет скоком...

– Ни ползучей, ни падучей. – Схенкельман попытался выхватить из огня упавшую куропатку.

– От человека к человеку, – продолжал Янис.

– Это Фрид тебе насочинял? – Схенкельману наконец удалось достать куропатку из костра. – Умеет же он дурить людей. Взять хоть это его зелье: полдеревни от него полегло с поносом! Так Фрид им заявил, что так и должно быть. Мол, сначала вся зараза должна выйти, это, дескать, первый шаг к исцелению.

– Фрид не ходит по деревням, – возразил Янис. – У него есть тайное место для обмена.

– Готов поспорить, что тебе этого тайного места видеть не доводилось, – ответил Схенкельман. – А еще, что тебе нельзя было спускаться в долину. Ты должен был сидеть тут. Что бы

ни случилось. Что, запугал он тебя этой так называемой хворью? – Он положил зажаренную куропатку на камень, вытащил из-за ремня нож, отрезал кусочек мяса. Наткнул его на кончик ножа и протянул Янису.

– Не нужно мне твоей еды, – сказал Янис.

Схенкельман впихнул кусок себе в рот и отрезал еще.

– Фрид греб деньги лопатой, – сообщил он, чавкая. – Уверял, что его зелье помогает от всех болезней, вот все и мечтали его попробовать. Простофили. За пару глотков отдавали последние гроши. – Он посмотрел на Яниса. – Да ты слушаешь ли?

Янис не ответил. Слушать-то он слушал, вот только Схенкельману об этом знать необязательно. Он послунывил палец и потер щиколотку. По ней тянулась длинная глубокая ссадина, до самой пятки.

– А еще эти ложки деревянные, – продолжал Схенкельман. – Они доставались тем, у кого кошелек туго набит деньгами. Такое не каждому по карману. Фрид называл себя мастером, лучшим во всей округе. Говорил, что на одну ложку у него уходит целый месяц.

Янис в одной рубахе уже продрог. Стоило бы вернуться в дом, но не мог же он просто так встать и уйти, ничего не сказав в ответ, – когда этот Схенкельман совсем заврался.

Схенкельман принялся обглаживать крылышко.

– Я-то сразу смекнул, – продолжал он. – Ага, конечно, это Фрид-то мастер, со своими грубыми крестьянскими ручищами? Не смешите меня. Я в таких вещах разбираюсь, знаю, когда кто-то пытается всех обдурить.

Он кинул косточку Локе и взялся за второе крылышко.

– Вот послушай, как дело обстоит, – сказал он. – Фриду был нужен слуга. Старым людям приходится задумываться о будущем, правда ведь? Но слугам полагается платить. А Фрид – старый скряга, привык получать всё за бесплатно. Отгадай с трех раз, что говорят в деревне?

Схенкельман помолчал. Ждал, наверное, когда Янис спросит: «А что говорят в деревне?» Но Янис держал рот на замке. Жаль только, что уши на замок не закроешь, они слышат всё, хочешь ты или нет.

– Говорят, что Фрид завел себе мальчика. Привел откуда-то издалека. Ну что значит завел – украл просто. Мать отвернулась на миг, глядь – а младенца и нет. Совсем махоньким забрал: такого легче всего приручить. Как собаку – возьмешь ее щенком, обучишь всему, она потом и забудет, что когда-то было по-другому. Уделяй ей чуток внимания – и всё.

Схенкельман снова зачавкал. Потом подкинул обглоданное крылышко вверх. Лока взвилась в воздух и клацнула челюстями.

Янис поднялся с земли:

– Ты врешь!

Схенкельман неторопливо поднялся на ноги.

– Да ты и сам знаешь, правду я говорю. Ты именно что слуга. Вырезаешь ложку за ложкой, ничего за это не получаешь. Разве что еду. Жидкую похлебку и кролика по особым случаям.

– Ячменную кашу! – разозлился Янис на Схенкельмана: ну сколько можно врать?

Схенкельман подошел к нему вплотную.

– Ячменную кашу? Ничего не скажешь, вку-усно! Сам-то Фрид предпочитал кабана, запеченного в яблоках, под большую кружку пива. Сидел у нас в деревне, обжирался и рассказывал байки про свои ложки. Что, мол, они оттого такие дорогие, что у него на них куча времени уходит.

– Он их обменивает, – выпалил Янис. – Делаю их я, а он их обменивает на смалец, и ячмень, и...

– Кровосос он, – перебил его Схенкельман. – Да еще и хвастун. Так вот, было решено послать кого-нибудь на гору. От лица всей деревни. Выяснить истинное положение дел. Так и сказали: мол, пусть идет Схенкельман, ему это по плечу, он в таких делах мастак. Знает,

что почем. – Он схватил Яниса за руку и притянул к себе поближе. На подбородке у него был прилипший кусочек мяса. – Но вот беда: я опоздал. Фрид уже сделал ноги. – Схенкельман отпустил Яниса, да так внезапно, что тот едва не потерял равновесие. – Радуйся, – продолжал он, – что я всё тебе рассказал. За это ты мог бы вести себя повежливее. Если б не я, ты бы так и ждал своего Фрида. Еще много-много дней. До скончания времен. – Он ухмыльнулся. – Как собачонка!

Янис до боли сжал кулаки.

– Ударить меня хочешь? – спросил Схенкельман.

Лока залаяла на него. А потом на Яниса, так же громко и испуганно. Янис опустил руки, развернулся и быстрым шагом пошел к хижине.

Одежда лежала у кровати. Янис надел носки, штаны и рубаху. Ботинки стояли у двери. Старые стоптанные ботинки Фрида – они были слишком велики Янису, поэтому в их носы была набита ветошь. Два потрескавшихся ботинка с растрепанными шнурками стояли на месте, как и каждое утро. И стало вдруг совершенно ясно, что Фрид вернется. Не может не вернуться.

Схенкельман у костра продолжал балаболить:

– Сколько тебе лет? Одиннадцать? Одиннадцать минус девять будет два, всё сходится. Когда он тебя забрал, тебе было два года.

Янис сунул ноги в ботинки и пулей вылетел из дома.

– Неправда! – крикнул он Схенкельману. – Я помню, как мы поселились на горе. Помню! Мне тогда было пять лет. – Он замолчал. – Или шесть. Да! Шесть!

– Так я и думал, – ответил Схенкельман. – Фрид много лет таскал тебя за собой с места на место. Ему нигде не были рады. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось... – Схенкельман окинул взглядом двор, – удалось отыскать вот это.

– Замолчи! – проорал Янис и пустился бегом мимо хижины, к поленнице и тропинке, ведущей на гребень горы.

– Великая хворь! – крикнул Схенкельман ему вслед. – Вот где ложь. И тайное место, где можно всё обменять на всё, – тоже!

Янис карабкался вверх по крутой тропе.

– Это всё враки Фрида! – кричал Схенкельман. – Он тебе голову морочил!

Ты тогда был на один зубок. Маленький и тощий. Но сейчас...

На склоне, высоко над хижинкой, росла кривая сосна. С одной стороны ее ветки опускались до земли. Янис на четвереньках подполз под дерево и сидел, сжавшись в комок, у самого ствола.

Зря он ушел. Теперь Схенкельман может там хозяйничать как хочет, и никто ему не помешает. Может совать свой нос куда ему вздумается. Возьмет и перебьет все бутылки для зелья. Или выгребет последние остатки каши. Или самое страшное: повалится на кровать и заснет, положив свои грязные сапоги прямо на кроличье одеяло. Но что бы он там ни вытворял, Янис отсюда не уйдет. Схенкельман слишком много говорит. Он засоряет твою голову словами, пока ты не сойдешь с ума. Тут, наверху, спокойнее. Янису нужно собраться с мыслями. Он знает, где правда. Он знает, откуда он. Фрид никогда этого не скрывал: он рассказывал, что произошло, когда Янис его просил, а иногда, если все дела были сделаны, и сам заводил этот разговор.

Во время своих странствий пришел Фрид в одну деревню и услышал, как плачет младенец. Вокруг стояло невероятное запустение.

– Какое такое невероятное запустение? – спросил как-то Янис.

Дело было зимним вечером, они сидели у очага.

Фрид понизил голос:

– Такое запустение, какое бывает, когда Великая хворь своим поганым дыханием пройдет по домам. Она обглаживает людей дочиста, малыш. Начинает с носа и пальцев и не останавливается, пока не сожрет человека целиком.

– Но не меня.

– Ты тогда был на один зубок. Маленький и тощий. Но сейчас... – Фрид перешел на шепот. – Сейчас нам нужно быть осторожными. Ты теперь не только кожа да кости, у тебя вон и жирок кое-где появился.

Янис потрогал свою руку. Нашупал кость, и мясо, и кожу, совсем тонкую: Великой хвори не составит никакого труда прогрызть ее насквозь.

– И посреди этого невероятного запустения лежал ты, – произнес Фрид уже обычным голосом. – Я не знал, чей ты. В деревне все умерли, всех покосила Великая хворь, так что спросить было не у кого. Я спрятал тебя к себе под одежду, чтобы согреть. Нужно было что-то делать, ты обессилел от голода, я боялся, что ты уже не очухаешься.

– И тогда ты встретил Берту.

– Да, – кивнул Фрид. – Нам повезло. Я шел полдня, может больше, и встретил Берту. Она тоже скиталась, со своим ребенком. Берта сказала, что покормит тебя, если я назову твое имя. Я назвал первое имя, которое пришло мне в голову.

– Янис, – сказал Янис.

– Именно, – согласился Фрид. – Ты получил сразу и имя, и грудное молоко. Она покормила тебя в тот день, и на следующий, и еще много дней, пока ты не научился есть твердую пищу. Берта была очень милая, и здоровьем ее господь не обделил. Я бы и дальше продолжал путь с ней вместе, но она решила по-своему. Она всё время приглядывалась к моему носу. Всё искала первое пятнышко, с которого начинается Великая хворь. Каждое утро требовала показать руки. И пересчитывала пальцы. Прошло несколько месяцев, и однажды она собрала свои пожитки и ушла, прихватив собственного ребенка. Что ж, она права. Поодиночке больше шансов выжить. – Фрид не отрываясь смотрел в огонь. – Твой отец с матерью тоже это знали, –

произнес он наконец. – В одиночку у тебя больше шансов. До них дотянулась Великая хворь, и они оставили тебя одного. Так они спасли тебе жизнь.

– Это ты спас мне жизнь.

– А это уже случайность, – возразил Фрид.

Янис прислонился к стволу сосны. Он был сухой и сучковатый. Как всё начиналось, Янис слышал только от Фрида. Это не настоящие воспоминания. Это воспоминания о словах. О рассказанных историях.

Первые настоящие воспоминания были не такие ранние. Дом с красной дверью. Там они с Фридом жили вдвоем. У них была кое-какая скотинка: пятнистая свинья и ослик. Лока тогда уже тоже у них была. Дом стоял в горах, а перед ним раскинулся луг. Янис помнил запах свежескошенной травы. И что на лугу паслись две овцы.

Однажды им пришлось в спешке всё бросить и бежать. Великая хворь перекинулась на долину, сказал Фрид. Нужно было торопиться, поэтому вещей взяли совсем немного. Долго шли по лесу, много дней. Поздно вечером Фрид разворачивал шерстяное одеяло, и они спали, прижавшись друг к другу. Лока клала голову Янису на ноги. Ночи были короткие, а как только рассветало, они снова пускались в путь. Несколько раз им попадались жилища. Тогда Фрид ускорял шаг и продолжал идти, пока дома не оставались далеко позади.

Янис всё спрашивал, почему же они не взяли ослика. Сильно уставали ноги, и лучше было бы ехать верхом.

– Ослики слишком шумят, – отвечал Фрид. – Нельзя, чтобы нас услышала Великая хворь.

– У нее, что, уши есть?

– Вот такие, – Фрид развел руки далеко от головы, показывая, где у хвори кончаются уши.

Лес кончился, и началась голая пустошь. Они шли мимо озера. Было пасмурно, вода казалась черной. Потом опять был лес и горы. Шерстяное одеяло истончилось, по ночам они дрожали от холода.

Однажды промозглым вечером они вышли к узкой тропе над ущельем. Впереди шел Фрид, за ним Янис, сзади Лока. Янис шел по краю пропасти мелкими шажками, вплотную прижавшись в скале. Внизу бурлила река, ущелье заполняли шипящие и ревущие водовороты. Янис плакал, но Фрид его не слышал. А потом было самое страшное. Они подошли к созданной самой природой арке над водой – каменному мосту, перекинувшемуся на ту сторону реки. Ухватиться было не за что, не было ни перил, ничего, только тоненькая перемычка меж двумя отвесными скалами.

– Не смотри вниз! – прокричал Фрид. – Просто иди вперед!

Конечно же, Янис посмотрел вниз. А то как бы он знал, куда ставить ноги? Он покачнулся и расставил руки в стороны, чтобы удержать равновесие. Узкая арка выгибалась над водой – сначала вверх, потом вниз, к тому берегу. С той стороны в ней были высечены грубые ступеньки разной высоты.

В начале спуска Фрид остановился и протянул руку.

В этот момент Янис почувствовал, как его подошвы соскальзывают вниз.

Фрид схватил его и стащил с моста, а потом прижал к себе.

Янис вывернулся из объятий. Ему хотелось поскорее отойти от пропасти.

С этой стороны тропинка уходила в лес – узкий протоптанный след между деревьями. Еще долго до них доносился шум воды.

В глубине леса Фрид наконец развернул одеяло. Янис вслушивался в неясный шум – может, из ущелья, а может, от ветра. А потом прижался к Фриду и уснул.

На следующее утро с первыми лучами солнца они снова выдвинулись в путь. Фрид продолжал идти по узкой лесной тропинке – сначала она лишь слегка забирала вверх, потом стала круче. Был уже день, холодный, с морсящим дождем, когда они одолели последний отрезок пути и оказались на уступе скалы, где стояла хижина.

– Тут и останемся, – сказал Фрид. – Великой хвори и в долине хватит кем поживиться. Что ей дела до одного мальчика, не полезет она за ним на гору. Но и приманивать ее сюда мы тоже не будем, малыш, так что носа со двора не высовывай. Лесная тропинка для тебя под запретом. Ты не будешь ходить ни в лес, ни к ущелью.

Янис хотел было открыть дверь в хижину.

– Ты слышал, что я тебе сказал? – спросил Фрид. – Повтори.

– Не ходить по тропинке.

– Если увижу, что ты всё равно идешь в ту сторону, получишь у меня.

– Что получу?

– Парочку оплеух, – пояснил Фрид. И помахал рукой, чтобы показать, как это выглядит. Его рука опустилась на голову Яниса. Получилась не оплеуха, а как будто он его погладил.

– Если будешь себя вести, как я говорю, – сказал Фрид, – Великая хворь нас не найдет. – Он показал на склон горы над хижинкой. – Вон туда, наверх, тебе можно ходить. Там спокойно. Ни одной живой души, куда ни глянь.

На мрачном каменистом горном склоне было всего несколько деревьев да клочок зелени. Вершину окутывала серая дымка.

– Обещай мне, – сказал Фрид, – не ходить в лес и к ущелью.

Янис пообещал.

– Повтори всё вместе, – потребовал Фрид.

И Янис повторил:

– Не ходить в лес и к ущелью.

Фриду в лес ходить было можно. Он старый и жесткий, Великая хворь таких не любит. Таких, как он, жестких и вопреки всему уцелевших, было еще несколько. Они организовали себе по ту сторону ущелья секретное место для мены. Один клал на землю что-то свое и отходил, а другой это поднимал. Друг к другу они не прикасались – хоть вкуса в них и мало, а побережся не мешает.

Янис никогда не забудет, как Фрид ушел на обмен в первый раз. Янис тогда еще не умел следить за огнем в очаге. Когда огонь потух, ему пришлось есть остатки холодной ячменной каши. Перед уходом Фрид рассказал ему, как осторожно ведут себя детеныши косули и зайчата. Так что из дома Янис выходил только по крайней необходимости. Он выливал горшок и стрелой летел обратно в хижину, к своей кровати. Через четыре дня вернулся Фрид с хлебом, смальцем и парочкой только что пойманных кроликов. Тогда он и начал шить кроличье одеяло. Сначала это была всего лишь узкая полоска меха.

Янис уже долго пробыл на скале над хижинкой. Пора было спускаться. Схенкельман там один, мало ли чего он успел натворить за это время.

Но Янис медлил. Великой хвори не существует, сказал Схенкельман. «Существует!» – хотел бы ответить Янис, но вдруг бы Схенкельман спросил: «А где?» Или: «А кто ею болел?» Янис никогда не видел человека, у которого бы не хватало каких-то частей тела. Ни в долине, ни по дороге к хижине. Ни одного человека. Всё это он слышал только от Фрида: о людях без пальцев, или с наполовину объединенными пальцами, или без носа. По дороге ни один больной им не встретился. Да, но ведь именно этого Фрид и добивался – обходить Великую хворь и людей стороной, как можно дальше.

Всё это ложь, говорит Схенкельман. Фрид, мол, просто врал, запугивал Яниса. Но кто точно умеет врать, так это сам Схенкельман. Зачем он поднялся наверх? Тащился в такую даль, да еще с двумя осликами? Скорее всего, он из тех менял. Приперся сюда за ложками и целебным напитком. Дождался, пока Фрид уйдет, чтобы взять, что ему нужно, и ничего не оставить взамен.

Янис на четвереньках выполз из своего укрытия.

– Схенкельман! – крикнул он. – Не вздумай ничего трогать!

Снизу раздался крик осла. Схенкельман вышел из тени за сараем. Он вел за собой коричневого ослика. У границы леса он остановился. Посмотрел вверх и поднял руку.

– Эй! – крикнул Янис.

Схенкельман скрылся в лесу.

– А ну стой! – крикнул Янис. Он стал торопливо спускаться вниз по склону. Из-под его ног выскальзывали отдельные камешки – вслед за ними вполне мог скатиться и он сам. Он перебежал через двор, до конца уступа, до самой тропинки.

Где-то в лесу закричал коричневый ослик, и серый, оставшийся во дворе, отозвался. Янис вспомнил о своем обещании. Не ходить в лес и к ущелью. Он посмотрел на свои ноги, на ботинки Фрида. Коричневый ослик закричал снова, теперь уже дальше.

У Яниса есть ослик, две корзины и пустой желудок

Серый ослик под выючным седлом стоял рядом с сараем. Янис приподнял крышку сначала одной корзины, потом другой – ничего. Ни носков тебе, ни шнурков, ни шапок, ни перчаток, ни курток и ни платьев. Всё понятно, Схенкельман хотел набить корзины тем, что есть в хижине.

Янис осмотрел дом. Вроде всё на местах. Похоже, что Схенкельман ничего тут не трогал. Кроличье одеяло лежит на кровати, возле горшка с ягодами стоят рядком стеклянные бутылки – и пустые, и даже полные, уж их-то Схенкельман вполне мог прихватить. Ко дну котелка присохли остатки ячменной каши.

Янис выскреб всё дочиста и облизал ложку. Пока Фрид не вернется, нового ячменя не будет, как не будет и смальца, и свежего кроличьего мяса. Придется кормиться тем, что отыщется на дворе. А если Фрид вообще не вернется? Если время просто будет идти и идти? Значит, остается только ждать: дни, недели, и еще, и еще. До скончания века? Прошла ли Великая хворь, неизвестно. Он будет сидеть всё это время в хижине на краю скалы, и из еды у него будут лишь яйца да крапива и изредка курица, ведь иногда куры умирают сами. В отличие от осликов; нет, ослики тоже умирают, но очень нескоро. Сколько живут ослики?

День уже был в разгаре, и Янис давно должен был бы приняться за работу. Он чувствовал усталость: из-за Схенкельмана, беспокойной ночи и собственной головы, которая всё никак не хотела перестать думать. Янис рухнул на кровать плашмя и накинул на себя одеяло, так что ноги торчали наружу. Скоро он встанет и пойдет подметать. К приходу Фрида всё должно быть убрано. «Молодец, малыш, – скажет Фрид. – Ты же не волновался? Знаю, меня долго не было, но зато посмотри, что я принес». Он подмигнет и протянет руку. В ней будет лежать вишенка. Она будет темно-красная, с черенком и двумя зелеными листиками.

Янис саданул каблуком ботинка по дощатой спинке кровати. Про вишенку – ерунда, это он прекрасно знает и сам. Вишня в этих краях не растет. А самое страшное, что теперь, когда он перестал верить в то, что ему когда-нибудь достанется вишенка, он начал сомневаться. Может, он и в другом обманывает сам себя? А что, если Схенкельман прав? Ну нет. Схенкельман врет. Фрид вернется. Сегодня.

Янис встал и взял метлу. Какое-то время так и стоял с метлой в руках. Всё показалось вдруг таким бессмысленным. Слова Схенкельмана как будто повисли в воздухе, теперь от них уже не избавиться. Подумать только, Фрид в деревне, с зажаренным кабаном и большой кружкой пива. А Янис даже и не знает, что такое пиво! В книжке про пиво ничего не было сказано. Он отбросил метлу и вышел во двор. Встал так, чтобы было видно лесную тропинку. Сейчас Фрид придет. Вот сейчас!

Но Фрид всё не приходил.

Ослик забеспокоился, стал рыть копытом землю и трясти головой. Может, проголодался, или пить хочет, или и то и другое. Развязать его, дать пинка под зад, и дело с концом. Дорогу он сам найдет: в лес, за Схенкельманом. Янис начал было его отвязывать, но передумал. Ослик – имущество ценное. Пять кроличьих шкурок, три бутылки с травяным напитком и штук шесть ложек – не меньше. А ведь есть еще корзины, седло и ремни к нему. Схенкельман оставил всё это не просто так. Ослик с двумя корзинами – то что нужно, чтобы отправиться в путь. Может, Схенкельман того и добивается? Выманить Яниса из хижины в горах? В корзины можно положить вещи в дорогу. А в конце спуска его будет поджидать ухмыляющийся Схенкельман. «Заставить мальчика спуститься вниз? Проще простого». И выхватит у него уздечку. «А ну-ка давай. Не думал же ты, что можешь оставить ослика себе?»

Янис затянул потуже узел веревки. Ослик останется здесь. Схенкельман может ждать его внизу до посинения. Нужно принести воды, набрать в ручье целое ведро. А потом травы. Янис

собрал всю зелень, которую смог найти. Может, снять с ослика корзины и седло? Наверное, стоит. Немного повозившись, Янис с этим справился.

День тянулся медленно. Янис сидел на пне с инструментами в руках и не сводил глаз с тропинки. Никого и ничего, и Фрид где-то далеко-далеко.

Вечером Янис в мрачном настроении пошел спать. Не успел он закрыть дверь, как ослик начал кричать. Сначала высоко и пронзительно, потом хриплый стон, и в конце опять тот же высокий звук. Ослик всё кричал и кричал, и Янис слушал его, лежа в темноте.

На следующее утро он поднялся ни свет ни заря. Оставленное Схенкельманом кострище было черно и мокро от утреннего тумана. Куры сидели в курятнике, сбившись в кучу. Янис нашел шесть яиц, из которых три сварил – одно Локе и два себе.

Ослику надоело стоять на месте. Он тянул за веревку и прядал ушами. Янис принес воды и набрал травы. Взялся за метлу, чтобы подмести двор. На земле лежали кучки ослиного помета. Свежий помет серого ослика и старый, подсохший, – коричневого. Янис посмотрел на кучки и на метлу в своих руках. И вдруг понял: всё. Больше он так не может. Не может подметать, ждать, опять проводить ночь в одиночестве. Он ступил на тропинку, подошел к кромке леса, сделал еще несколько шагов – и оказался в тени первых деревьев. Задержал дыхание. Над головой прокаркала какая-то птица. Нужно всегда быть начеку, говорил Фрид, но «всегда» – это сколько? У Яниса есть ослик, две корзины и пустой желудок. Можно двинуться навстречу Фриду. А почему бы и нет? Фрид поймет. «Сначала давай поедим», – скажет он. В заплечном мешке у него будет сыр. После еды он покажет Янису, где поставил силки на кроликов. По дороге они увидят человека без носа. «Смотри, – скажет Фрид. – Всё, как я рассказывал. А этот Схенкельман пусть больше не смеет у нас показываться. В следующий раз он у меня получит!»

Янис заторопился и бегом подскочил к сараю. Ослик испугался.

– Ну-ка, тихо. Тпру, – сказал Янис. Поднял с земли седло и положил его на костлявую спину. Сначала получилось не той стороной, да и потом управиться с ремнями подпруги удалось не сразу. Ремень под грудь, ремень под брюхо, и еще один широкий ремень должен обхватить ослиный зад прямо под хвостом. Корзины Янис прикрепил к седлу двумя отдельными ремнями.

Он вернулся в дом за теплой рубахой из сукна. Взял еще кружку, тарелку и деревянные ложки, которые сам вырезал. На всякий случай обернул свои ножи и резцы тряпкой и приготовил ручной топорик. В лесу он сможет набрать дерева для ложек, а ложки всегда могут пригодиться для обмена на ячмень и смалец. Нет, не на ячмень. Не на смалец. На пиво! На пиво и кабана! И вишенку.

Вещи кучкой лежали у двери. Можно взять еще что-нибудь, что поместится. Янис взял в руки книгу. Нет, слишком большая и тяжелая. Он положил ее на стол, открыв на развороте с деревьями и плодами. Котелок тоже придется оставить. Но только не кроличье одеяло. Его нужно взять с собой. Янис мог с закрытыми глазами провести рукой по одеялу и понять, какая это шкурка. Серая, коричневая или та, в черную крапинку. В одеяле были дыры и проплешины, а в одном месте бугорок кроличьего хвоста.

Янис уже несколько раз ходил от хижины к ослику и обратно. Первая корзина наполнилась быстро. На дне, откуда точно ничего не выпадет, лежал сверток с инструментами. Толстая суконная рубаха выпирала из корзины бугром, мешала закрыть крышку. Кроличье одеяло Янис затолкал во вторую корзину.

На полке возле очага стоял горшок с сушеными ягодами. Фрид их берег, брал понемножку и не каждый день. Но сейчас Янис заберет их все, они ему нужны. Он положил их в носок Фрида, отыскав тот, что без дырок.

Пора уходить. Янис вышел из хижины и запер дверь. Носок с ягодами он привязал к седлу.

Кур-то чуть не забыл! Янис открыл дверцу курятника и выгнал их на двор. Пусть теперь заботятся о себе сами, хоть несколько дней, а может, и дольше. Как-нибудь им хватит ума найти себе укрытие на ночь. Теперь уже не в курятнике, его-то не закроешь. Никто не подкатит под дверцу камень.

– Ну что ж, – сказал он. – Будьте начеку.

Он впервые сказал им что-то кроме «а ну-ка» или «давай», и старшая курица уставилась на него и раскудаhtалась.

– И не свалитесь в ручей, – напоследок предостерег Янис.

Всё остальное у них получится. Уже середина весны, всюду растёт крапива, жучков и мокриц навалом. Он взял последние три яйца и сунул их в мягкую складку кроличьего одеяла. Наконец отвязал ослика и повел его по двору в сторону леса. Ослик засеменил за ним неровными шажками.

Лока осталась у хижины и лаяла.

Янис обернулся.

– Ко мне, – сказал он.

Лока лаяла, рычала и виляла хвостом – всё вместе, как будто голова и хвост у нее по отдельности.

– Считаю до десяти, – пригрозил Янис. Так всегда говорил Фрид: «Считаю до десяти, малыш, а потом...»

Янис начал считать:

– Один, два, три...

На счет десять он уйдет.

– Четыре, пять...

Честное слово, на счет десять он уйдет.

Медленно:

– Шесть... семь...

Еще медленнее:

– Восемь... девять... десять...

Он уже дошел до одиннадцати, двенадцати, тринадцати, но всё не уходил. Он слышал свой собственный голос. Может, Схенкельман его тоже слышит там внизу и смеется до колик в животе.

– Четырнадцать... пятнадцать...

А может, его услышит Фрид? Значит, он уже почти поднялся наверх. Возьмет и появится вот сейчас с полным мешком и свежими кроликами.

– Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...

Ничего не произошло. Считай хоть до тысячи, хоть сто раз по тысяче.

Он потянул за уздечку и вместе с осликом вошел в лес. Лока побежала за ним. Она прыгала вокруг Яниса, хватала его зубами за рукав и пыталась оттащить.

– Отпусти, – приказал Янис.

Лока зарычала и стала тянуть еще сильнее.

– Нельзя!

Он больно щелкнул ее по носу. Она разжала зубы и, поджав хвост, отползла. Янис прошел еще немного в глубь леса. И еще немного. Перешагнул корягу.

Обещание было нарушено.

Мир велик, бесконечно велик

Тропинка, петляя, вела вниз. В лесу было сумрачно и прохладно. Янис притих. Он и так наделал лишнего шума там, на дворе. Громко считать вслух – вот уж точно, ничего глупее не придумаешь. Один, два, три, вот он я! Я совсем один! Нужно соблюдать осторожность. Всегда. У Великой хвори во-о-от такие уши, не стоит об этом забывать.

Но шум от них всё-таки был, ничего не поделаешь. Янис наступал на сухие ветки и чешуйки коры. То и дело ломались задетые веточки, низко нависавшие над узкой тропинкой. Ослик тряс головой, уздечка звякала. Поскрипывало седло, и вместе с ним поскрипывал тростник, из которого были сделаны корзины.

Ослик не упрямясь шел следом, Янису даже не нужно было его тащить, привязанная к уздечке веревка провисала.

– Вот молодец, – тихо сказал Янис.

Через какое-то время ослик остановился. Янис потянул за веревку – ни с места.

– А ну-ка! – скомандовал Янис.

Ослик и не думал двигаться.

– Ну-ка, – повторил Янис.

Ослик стоял как вкопанный. Янис тянул, заходил сзади, чтобы подтолкнуть, потом опять тянул – всё без толку. Тогда Янис поднял палку, чтобы ткнуть ослика в бок. Тот сразу же всё понял. Или, во всяком случае, сделал вид, что понял. И как ни в чем не бывало пошел себе дальше. Но спустя несколько изгибов тропинки и один крутой спуск заартачился опять. Янис и толкал его, и уговаривал – ничего не помогало. Зато, как выяснилось, ослик ненавидел палки. Стоило Янису пригрозить ему палкой, как тот начинал шагать дальше.

Среди сосновых стволов мелькнула черно-белая шкурка Локи.

– Ну, иди ко мне, – позвал Янис. Лока его услышала, остановилась и побежала в другую сторону. Вот с Фридом она бы так себя не вела. Одного взгляда Фрида было достаточно, чтобы она повиновалась. Если бы сейчас здесь, в лесу, был Фрид, он бы только сказал «Ну-ка», и ослик бы шел не останавливаясь, да так быстро, что они бы еле за ним поспевали. Все животные повиновались Фриду. Кролики прямо-таки сами шли в силки, один за другим.

Янису пришлось запастись терпением. Он шел впереди, а ослик то шел, то стоял, то опять начинал идти. Так они и продвигались: всё дальше в лес и всё ближе к долине. В начале Янис пугался каждого звука. Взлетающей рядом птицы, скрипнувшей под ногами ветки, внезапно выбежавшей на тропинку и снова нырнувшей в кусты Локи. Лес был для него запретным местом – настолько, что что-то ужасное просто должно было произойти. Или на него вдруг накинется Великая хворь, или какое-нибудь дерево возьмет и упадет, или он сам, того и гляди, споткнется, если не будет всё время начеку. В лесу полно камней и коряг, которые так и норовят поставить ему подножку.

Но нельзя же всё время бояться. В конце концов страх свернулся клубочком и улегся где-то внизу живота. Янис перестал говорить шепотом, обращаясь к Локе или ослику, – да и всё равно ни один из них не слушался, оба делали, что хотели.

В лесу пахло сосновой хвоей и смолой. Стволы деревьев стояли близко друг к другу. Серые ветви нависали над тропинкой.

У небольшого ручейка Янис остановился. Ослик вытянул шею и стал пить. Янис черпал воду пригоршнями. Ослик сразу идти дальше не захотел, а принялся неторопливо объедать листья с куста на другой стороне ручья. Янис положил в рот горсточку ягод из носка. Только понемножку, напомнил он себе, а не то все ягоды сразу закончатся.

Когда они снова выдвинулись в путь, утро было позади. Точнее время в тени леса определить было сложно, так что, может быть, уже давно перевалило за полдень. Янис оказался

вдали от всего. От хижины, от двора и кур. Идти было тяжело. Носки из грубой шерсти натирали ноги. Ссадина на щиколотке болела всё сильнее. Ботинки Фрида не годились для долгих переходов. Тряпочки, которыми были набиты носы, выскочили и болтались. Ехать верхом Янис пока не решался: ослик на своих тоненьких ногах едва нащупывал спуск вниз по крутой тропе. Да и корзины бы мешались.

Он вспомнил, как тогда, во время их с Фридом перехода, kloкотала вода в ущелье и как долго потом ее рев раздавался сзади. Он остановился, чтобы как следует прислушаться. Щебечут и чирикают птицы. Где-то стучит дятел. Но шума воды нет.

Янис пошел дальше, преодолевая боль. Приходилось всё чаще останавливаться, чтобы отдохнуть. А еще на каждом привале они были вынуждены отбиваться от мух. На уступе скалы их почти не было, здесь же они вились тучами. Ослик бил копытами. Теперь он отказывался стоять на месте даже несколько мгновений, когда Янису хотелось перевести дух. Так что они продолжили путь под гору. Иногда спуск выравнивался, и тропинка шла через лес по прямой. Но не слишком долго: вскоре она опять становилась извилистой. Перед каждым изгибом у Яниса возникала надежда, что вот сейчас ему навстречу выйдет Фрид.

Когда начало смеркаться, Янис совсем выбился из сил. Он достал из корзинки яйца и сложил их в ямку у корней дерева. Потом нашел местечко, где было поменьше бугорков, и расстелил кроличье одеяло. Стащил с ослика корзины и седло и привалил всё это к толстому стволу. Веревку привязал к ветке. Снял ботинки и растер ноги. На левом большом пальце оказалась мозоль. Из правого большого пальца шла кровь. Ссадина на щиколотке горела.

Нужно было развести костер, только вот как? Коробочка с огнивом осталась дома, у очага. Янис поднял сухую ветку и сломал ее пополам, от бессильной злости. Уйти из дома, не взяв ничего для разведения огня! Как можно быть таким дураком? И при этом положить в корзину тарелку – без хлеба, и ложку – без каши. И яйца, которые нельзя есть сырыми. Может быть, завтра он всё-таки их попробует, если не будет ничего другого. Он высыпал в рот последние ягоды. Остался только пустой носок.

Он завернулся в одеяло, мягкой стороной внутрь. Лес был полон разнообразных шорохов, изредка доносились непонятные резкие звуки. Рядом что-то треснуло. Раздался крик, высокий и пронзительный. Это далеко, с надеждой подумал Янис. Он позвал Локу, и на этот раз она пришла. Улеглась рядом, положив голову ему на ногу. Он потрепал ее по холке. Лока прикрыла веки. «Не бойся, – сказал бы Фрид. – Главное, всегда будь начеку». Янис открыл глаза и стал таращиться в темноту. Быть начеку – значит не упускать ничего из виду.

Мир велик, бесконечно велик. Они шли весь день и еще никуда не пришли. Уступ скалы вместе с хижинкой – это лишь песчинка. А сам Янис, с его телом и мыслями, еще меньше, чем песчинка. Как же он мало знает о мире! Дома даже темнота была другой. Небо было широкое, и по ночам, если ясно, усеянное звездами. В лесу тьма тяжелее; она растекается между стволами деревьев, по корням и камням, и нигде ни искорки света. Янис прислушивался к ночным звукам. Может, здесь водятся волки и медведи, дикие животные, которых он видел в книге. А в книге было не всё. Великая хворь... Не нужно сейчас о ней думать. Нужно оставаться начеку, всю ночь. Лежа с открытыми глазами, он боролся со сном. В его голове кружились слова Схенкельмана. Про то, что кура-патока не кура, и про гуся для гусыни, и что Фрид в долине греб деньги лопатой. Какая-то мешанина из обрывков собственных мыслей, вчерашнего разговора и песни. И про украденного мальчика. Из всех рассказов Схенкельмана этот был самый страшный. Янис закрыл глаза. Ненадолго. Скоро опять откроет. Лока спала, опустив голову на ногу Яниса.

Он проснулся, испугавшись хлопанья крыльев. Было уже светло, и у корней сосны сидела ворона. Янис стал размахивать руками. Ворона расправила крылья и, взлетев, уселась на высокую ветку. Яйца, которые Янис уложил в ямку под деревом, были расколоты и выпиты. Ослик сорвался с привязи и объедал кору соседнего дерева. Лока лежала что-то грызла.

– Отдай! – приказал Янис. Лока неохотно вильнула хвостом, делиться добычей она явно не собиралась. Придерживая мертвую птицу лапой, она зубами отдирала с костей остатки мяса. Янис разглядел безобразный остов с ржаво-коричневыми перьями. Пусть ест. Но в следующий раз надо будет проследить, вдруг она поймает кролика.

В животе было пусто, как еще никогда в жизни. Эх, нужно было лучше подготовиться. Яйца сварить, еще дома, перед уходом. И курицу – ту, белую, – забить, ощипать и потушить в дорогу. Фрид бы разозлился. Куры должны нести яйца. А к тому же, малыш, ты их своими руками трогать не должен. Ты созидатель. Ты даже и не знаешь, как это – разрушать.

Янису, ослику и Локе нельзя было сдаваться. Янис ковылял в ботинках Фрида. Периодически ощупывал свой нос. Судя по всему, Великая хворь сегодня к ним не навевалась. Янис шел по тропинке и всё меньше верил, что Фрид вот-вот выйдет ему навстречу. Он изо всех сил старался забыть о боли в ногах. Иногда это ненадолго удавалось.

Ослику нужно имя, подумал он вдруг. Настоящих имен он почти что и не знал, разве что Фрид, Схенкельман и Берта. Поэтому он выбрал имя из книжки с картинками.

– Огурец, – произнес он.

Ослик потянул носом воздух.

– Огурчик, – уточнил Янис, потому что ослик был небольшой. – Давай, Огурчик, нам еще далеко идти.

Звучит по-дурачки.

– Персик? – Янис примерил на ослика несколько названий овощей и фруктов, потом животных. – Помидор... Мишка, Ежик, Волчок... – Всё не то.

Позже они остановились у ручейка, чтобы попить. Ослик жадно хлебал воду. На дне ручейка лежали серые и белые камешки. Серые – как шкура ослика, а белые – как его нос.

– Камешек, – сказал Янис, и это имя сразу подошло.

Имя ослику придумано, еще бы придумать, как забыть про боль в истерзанных пальцах ног. Он всё плелся и плелся по лесу, а на ум так ничего и не приходило.

Но хотя бы спуск был уже не такой крутой. Они дошли до пологих холмов. И тут Янис услышал. Сначала ему показалось, что это в лесу поднялся и шумит ветер. Он остановился послушать, потом прошел еще немного и прислушался снова. Нет, не ветер. Вода. Пока далеко, но это вода. Значит, они приближаются к ущелью. Вот-вот появится Фрид, подумал Янис. Он уже поднимается, сейчас выйдет из-за поворота. Но на тропинке было по-прежнему пусто. Как бы Янису ни хотелось вызвать Фрида силой мысли, это было невозможно.

И он ковылял себе, ведя Камешка дальше. Пропась приближалась. Хотя нет, это он приближался к пропасти. И чем она была ближе, тем сильнее мучили его сомнения.

Камешек отыскал себе пучок травы и отказывался от него уходить. Янис прислонился к дереву. Сейчас они пойдут дальше, еще немного, и он увидит пропасть. Он сорвал какую-то травинку и сунул листочки себе в рот. И сразу же выплюнул: травинка оказалась горькой. Лес – неизведанная территория, Янис ведь не знает, что можно есть, а что нельзя. Вроде растет крапива, но какая-то другая, незнакомая. А бывают растения ядовитые, съешь листочек – и поминай как звали. Нужно бы поймать куру-патоку. Или кролика. Но вблизи он видел только ворону, да еще ту сгрызенную тушку у Локи. Остальные птицы держатся на расстоянии, расселись по верхушкам деревьев и тараторят. Время от времени Янис слышал какой-то шорох, да иногда ему казалось, что он будто бы краем глаза заметил кролика. Лока вспрыгивала с места, но возвращалась без добычи.

Делать нечего, пришлось ждать, пока ослик наестся досыта. Потом они опять двинулись – оставался последний отрезок пути. Рев воды из ущелья постепенно становился громче. На спуске, кроме сосен, стали появляться деревья со светло-зеленой листвой. Стволы у них были толстые, поросшие мхом.

День подходил к концу, уже смеркалось. Идти дальше Янис уже не мог. Он привязал ослика к ветке, достал из корзины кроличье одеяло и рухнул на землю. Улегся поудобнее, закрыл глаза и тут же уснул.

Когда он проснулся, вокруг было промозгло, стоял утренний туман. Кроличье одеяло намело, со стороны, где не было меха, виднелись темные пятна. Янис пощупал нос. Вроде в порядке. Посмотрел на пальцы. Ногти черные, руки в грязных разводах, но следов Великой хвори нет. А вот с ногами что-то не то, он сразу это понял. Нельзя было засыпать, не сняв ботинки. Янис кое-как развязал узел и потянул за каблук левого ботинка. Ногу пронзила такая боль, что он оставил ботинок в покое. Потом попробует еще раз. Пальцы были на месте, их-то он прекрасно чувствовал, но каждый болел по отдельности.

Камешек дремал стоя. Лока нашла себе что-то съедобное – какого-то дохлого зверька с шерстью и уже подгнившего. Собака клацала челюстями, пытаясь поймать круживших вокруг нее находки мух. Янис заставил себя подняться. Он стоял и смотрел вперед, но мало что видел. Просто он отупел от голода. Идти дальше не было сил.

Лока догрызла зверька и принялась лаять, стоя под сухим деревом. Янис посмотрел в ту сторону, на этот раз по-настоящему. На дереве, на одной из голых веток, висела котомка – стянутый веревкой коричневый мешок из грубого холста. Янис подошел ближе, попробовал снять. Чуть-чуть не хватает. Тогда он встал на цыпочки, хотя и было больно, потянулся – и в конце концов достал веревку пальцами. Ветка хрустнула, котомка плюхнулась на землю. Лока принялась обнюхивать ее со всех сторон, повизгивая и отчаянно виляя хвостом. Янис развязал тесемку. В мешке лежала краюха хлеба и половина колбасы. Он сел на землю и откусил раз, другой, а потом затолкал в себя остальное, почти не жуя. Лока смотрела на него умоляющими глазами, склонив голову набок и попискивая. Янис стряхнул крошки в ладонь. Лока слизала всё до единой крошечки.

И только теперь пришел запоздалый страх. А кто подвесил котомку на дерево? Янис встал и осмотрелся. За кустом невдалеке от тропинки послышался какой-то хруст. Янис попятился, но натолкнулся спиной на дерево. Вот выйдет сейчас из леса охотник или меняла, злой как черт. Колбасы и хлеба-то больше нет. И отдать их не получится. Вспорхнула птица. Зашелестел куст. А вдруг кто-то разведает, что Янис шатается по лесу? Не какой-то охотник или меняла, но тот, кто знает, что Янис пустился в путь?

– Схенкельман? – позвал Янис. – Эй, Схенкельман!

Тишина. Только шелест листьев и потрескивание веток. А потом стихло вообще всё. Даже птицы перестали галдеть. Лишь ущелье продолжало бурлить вдалеке.

Янис быстро свернул лагерь. Благо Камешек уже был навьючен. Хлеб с колбасой приглушили голод. А вот ногам отдых не помог, каждый шаг отдавался болью. Янис несколько раз оглядывался. Вроде никого не видно, но всякий раз, когда он устремлял взгляд на тропинку и шел дальше, возникало ощущение, будто кто-то идет за ним. Кто-то или что-то. Великая хворь умеет ползти ползком и скакать скоком, перемещаться по земле, по воздуху и по воде. Янис шел как можно быстрее. Спотыкался, падал и опять вставал. Надо идти вперед и не останавливаться. Великая хворь обглодает тебе нос, и пальцы, и всё остальное.

Лока бежала по лесу зигзагами, иногда замирая на месте. Хвост кверху, нос по ветру.

А ну-ка! Сейчас или никогда

Янис весь дрожал. Ноги не хотели идти, приходилось ими командовать. Поднять одну ногу, перенести вперед, опустить. Поднять другую, перенести вперед, опустить. Лока возглавляла процессию. Камешек плелся в хвосте, время от времени останавливаясь ради приглянувшейся ему веточки. Янис слишком устал, чтобы оборачиваться. Сейчас важно было только одно. Не останавливаться. Если присядешь, то уже, наверное, не встанешь никогда. Можно медленно умереть от холода и голода и известно чего. Янис вспомнил дохлого зверька, которого нашла Лока, а потом представил свои собственные кости. Вот лежат они кучкой под деревом у тропинки. Больше от него ничего не останется, только кожа да кости. От этой картинке ему стало худо. Зато останавливаться расхотелось.

Тропинка перешла в каменистую дорожку. Рев из ущелья стал оглушительным. Вода бурлила и неистовствовала. Небо было затянуто дымкой, листья на кустах поблескивали от влаги. Янис прошел вдоль каких-то деревьев, потом сквозь заросли папоротника, поднялся на холм и снова спустился вниз. Поднять ногу, перенести вперед, опустить. Поднять, перенести, опустить. Потом был поворот, за которым начиналось ущелье. Вода с силой налетала на отвесные скалы. Над пропастью висел липкий туман. Моста не было. Была только пропасть, в которой бурлила вода, да другой берег, такой же скалистый.

Янис знал, что нужно пройти еще дальше. В прошлый раз, с Фридом, они шли по тропе вдоль ущелья. А теперь всё то же самое, только обратно.

Надо было продолжать идти. В ушах стоял шум из ущелья. Ставить одну ногу перед другой становилось всё тяжелее. Локе не терпелось идти поскорее, она забегала вперед, потом возвращалась, а потом опять убегала, высунув язык и часто дыша. Вдали появились смутные очертания арки над пропастью.

– Туда! – показал Янис.

Сначала долго казалось, что мост ближе не становится. Поднялся ветер, и Янис остановился надеть теплую рубаху. Застегнул ворот, раскатал рукава. Каждые несколько шагов он отрывал взгляд от земли. Очертания над водой постепенно становились четче и четче, пока наконец арка не предстала перед глазами полностью – огромная и темная, в брызгах воды.

Дорожка закончилась у каменной лестницы. Пять высеченных в скале ступеней, за которыми начинался мост, перекинувшийся на тот берег прямо через туман, и этот мост уходил сначала вверх, а в конце вниз. Вода под мостом с грохотом неслась сквозь узкий просвет между скалами.

У Яниса подкосились ноги. Лока лизнула его в щеку. Он обнял ее за шею и зарылся лицом в шерсть. От нее исходил привычный запах – псины с ноткой протухших кроличьих ушей.

– Что делать? – спросил он.

Лока взвизгнула, и он отпустил ее. А сам так и остался съежившись сидеть на земле; воротник из жесткого сукна впивался ему в подбородок. Он посмотрел на другой берег. Где-то там ходит Фрид. А еще Схенкельман. Янис устал, думать удавалось с трудом. Он обхватил голову руками. Место обмена. Там он и найдет Фрида. Или его, или других менял, мужчин и женщин с корзинами и мешками. Они не касались друг друга, но видеть-то видели. Фрид? Да, конечно, знают. Фрид с его деревянными ложками.

Времени почти не оставалось. Солнце уже клонилось к горизонту. Мост был узкий и расшатанный, еще страшнее, чем Янис его помнил. Лучше он перейдет по нему завтра. Если сегодня, то придется искать ночлег на той стороне. Завтра тумана будет меньше. Завтра. Камни подсохнут, и вода успокоится. Ноги перестанут так болеть. А если подождать здесь, то, глядишь, и Фрид придет.

Янис с трудом поднялся на ноги. Ему понадобится одеяло. Между двумя большими валунами было углубление, он прекрасно в него поместится. Камешек в поисках пучков травы в расщелинах семенил вокруг. Добрел до лестницы на мост и поднял голову. Поднял уши и поставил ногу на первую ступеньку. Как ни в чем не бывало перешагнул на ступеньку выше. Корзины висели с двух сторон от седла. Одна из крышек приподнялась. Из-под нее высовывалось кроличье одеяло.

– Тпру! – крикнул Янис. И ковыляя пошел к мосту. Быстро идти не получалось, только какой-то странной и деревянной походкой, причем Янис чуть не поскользнулся. Забрался на первую ступеньку, потом на вторую. На третьей удалось ухватиться за задний ремень подпруги. Камешек с силой хлестнул его хвостом.

Янис почувствовал, как вдруг забилося сердце и перехватило дыхание. И тут, неожиданно для самого себя, холодея от страха, он крикнул: «А ну-ка!» Сейчас или никогда. Если повернуть назад, забраться сюда еще раз ему уже не хватит смелости. «Давай, Камешек!» Его голос еле-еле перекрывал рев воды.

Но Камешку этого было достаточно, и он стал взбираться дальше по ступеням – и на каменный мост. Янис позвал Локу, но не видел, пошла ли она за ним.

Они двигались над пропастью, в тумане, по скользким камням. Внизу ветер гнал волны. Янис крепко держался за широкий ремень. Камешек медленно шел вверх, корзины болтались туда-сюда. Янис осторожно продвигался за ним. Он не знал, что окажется под ногой в следующий миг – выступ или ямка. Иногда он наступал на шатающийся камень, но в последний момент успевал переставить ногу в другое место – и не потерять опору. В самой верхней точке, посреди вихря из брызг, Камешек начал замедляться. Еще несколько шажков – и он остановился вовсе. Янис подтолкнул его. Ослик даже не шевельнулся, только мотнул хвостом. Янис не решался упереться ногами, чтобы толкнуть посильнее, он стоял наклонившись вперед, опираясь на Камешку и крепко сжимая в руке ремень. До этого момента Янис был сосредоточен на том, что видел прямо перед собой – уши Камешку и скалы на том берегу. Но теперь он стал медленно поворачивать голову в сторону. На дне пропасти клокотала вода. Из пены поднимались вершушки острых камней. Вода закручивалась в водовороты и брызгала во все стороны, это было красиво и страшно одновременно. Янис слегка сдвинулся в сторону. В этот момент Камешек тронулся с места. Янис пошатнулся, сделал шаг, а когда почти вернул себе равновесие, уже нужно было делать следующий. Высшую точку они миновали, дальше арка опускалась вниз. Камешек бодро зашагал дальше, а Янис отстал, и ремень выскользнул у него из рук. Янис споткнулся и упал ничком. В руке что-то хрустнуло, а с коленки содралась кожа.

Последний отрезок пути он преодолел ползком. Потом развернулся и стал спускаться спиной вперед, на четвереньках. Лишь у подножия моста, где с покорным видом ждал Камешек, он выпрямился в полный рост. Спустилась и Лока – пара прыжков, и готово. Она лизнула Яниса в руку, а Камешку в нос.

За ними возвышался каменный мост. Даже не верится! Янис прошел по нему, по этой узкой арочке! Да, часть пути он прополз, но только в конце, это не считается. Главное – он перебрался через пропасть. Но никто этого не видел и не знал об этом, и Янис вдруг почувствовал, как ему не хватает Фрида. «Молодец, малыш», – сказал он сам себе.

Они продолжили путь по узкой тропинке. Слева отвесно поднималась вверх скала, справа была пропасть. Уже темнело, но Янис боялся устраиваться на ночлег в этом месте.

Нужно было идти дальше, вслед за Камешком. Янис протянул руку в сторону, чтобы почувствовать, где скала. Над ущельем светил месяц – тоненький, не толще чешуйки. Так они шли, очень медленно, до глубокой ночи. Прямо на ходу подбородок у Яниса упал на грудь, а глаза закрылись. От испуга он проснулся, рывком поднял голову и еще сильнее прижал руку к скале. Неожиданно они свернули влево. Сквозь открывшуюся расщелину тропка уводила в сторону и вверх к темным силуэтам деревьев. За ними Янис увидел какой-то огонек. Пламя

трепыхалось, гасло, потом разгоралось опять. Ура, они нашли место обмена! Это костер, это колышется его пламя. Вокруг него рядышком греются менялы и охотники. И Фрид. Все они сидят там, жарят кроликов и варят ячменную кашу. Вещей на обмен так много, что они до сих пор не управились. Фриду никак не придумать, как всё это унести с собой. Вот он обрадуется, когда увидит Камешка!

По телу Яниса прошла дрожь. Голова гудела. Он так устал, что его повело. Он хотел было опереться на Камешка, но тот уже куда-то пропал, вместе с корзинами. Ряд деревьев расширился, а огонек разгорелся ярче. Стало понятно, что это никакой не костер, а фонарь на стене дома. Перед домом рос куст, это его ветки покачивались на ветру, то и дело перекрывая свет фонаря.

Камешек нашелся у забора. На дворе перед домом залаяла собака, но, судя по всему, небольшая: лай был высокий и надрывистый.

Дверь дома отворилась, и в освещенном проеме появился мужчина.

– Тут кто-то есть?

– Я, – ответил Янис.

– Я? – переспросил мужчина. – А имя?

– Янис.

– Вы постоялец, господин Янис? Ищете, где остановиться на ночлег?

– Великая хворь, – сказал Янис. – У тебя нет Великой хвори? Мне нужно знать.

Янис не хотел открывать калитку, но она, скрипнув петлями, отворилась сама. А дальше он сам не понял, как получилось, что он вдруг повис на калитке, цепляясь за перекладину, а потом почувствовал под головой холод камней, которыми был вымощен двор. Над ним склонилось чье-то лицо... Дворовая собака затыкала, Лока зарычала... Кто-то протянул к нему руку... Вот Великая хворь и добралась до меня, подумал Янис, и его глаза закрылись.

Добавки? А платить кто будет?

Янис услышал, как недовольный мужской голос кому-то говорит:

– Какой наглый парень! Тыкать мне сразу начал: «ты», говорит. Знаю я таких. Вот увидишь, ничего мы на нем не заработаем. Ни единого гроша. Надо было гнать в шею, да и всё тут.

Ему ответил другой, певучий голос:

– Но ведь он больше не мог идти!

– Это-то понятно. Но вот только расхлебывать всё теперь придется нам. Возиться с ним и его собакой. И ослом.

Янис открыл глаза. Он лежал на постели в маленькой комнате. В комнате было окно, и перед ним на стуле сидела женщина в синем платье. А по ту сторону окна стоял мужчина, опираясь локтями о подоконник.

– Тише, – сказала женщина. – Разбудишь.

– Да он и так уже проснулся, – ответил мужчина. – Лежит вон, посматривает.

Женщина обернулась.

– Давно пора, – сказала она Янису. – Ты уже полдня проспал!

Она подошла к изножью кровати и приподняла край одеяла. Цокнула языком.

– Всё так плохо? – спросил Янис. Вроде бы Великая хворь не особо интересуется пальцами на ногах, но он живо помнил, как они болели прошлой ночью. Кто-то снял с него ботинки и носки, а кто, мужчина или женщина, он не помнил. Он даже не сопротивлялся – то приходя в сознание, то опять отключаясь из-за резкой боли.

– Смотря что ты называешь «плохо», – ответила женщина.

Янис пошевелил пальцами ног. Пощупал нос и посмотрел на руки. Хотел пересчитать пальцы на руках, но закружилась голова, и пока не получалось.

– У меня Великая хворь? – спросил он.

– Какая хворь? – удивилась женщина.

– Великая хворь, – повторил Янис. – Она ползет ползком, скачет скаком, стелется по земле и плывет по воде. От человека к человеку, от дома к дому. Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и всё остальное.

– Да он чокнутый, – сказал мужчина. – Чушь какую-то несет.

Женщина опустила одеяло.

– Никогда не слышала о такой хвори, – сказала она. – Которая скачет и ползет и всё такое. А вот ноги твои... – Она строго посмотрела на Яниса. – Ходить в таких ботинках бог знает сколько времени, с такими мозолями да ссадинами, довести до того, что раны загноились! Это не великая хворь, молодой человек. Это великая глупость!

– Великая глупость, – повторил мужчина. – Это ты хорошо сказала.

Женщина уперла руки в боки.

– Жар и слабость, вот что от этого бывает.

Она не была похожа на женщин из книжки. Там они были высокие и худые. На всех картинках они были одеты в платья до пола и шляпы с цветами и перьями. Эта женщина была другая, у нее было круглое лицо, пухлые руки, и вся она была круглая и пухлая и прямо-таки выпирала из синего платья. На голове у нее была не шляпа, а белый чепец, завязанный под подбородком на бант. Янис не мог отвести от нее глаз. Всё смотрел и смотрел.

– Ты Берта? – спросил он наконец.

– Берта? – переспросила женщина. – Вот уж нет. Я госпожа Требс. А это – господин Требс. – Она заправила выбившийся локон под чепец. – Мы настаиваем, чтобы ты обращался к нам на «вы». У нас солидный постоялый двор. Мы ценим правила приличия.

Янису мало что было понятно. Что такое постоянный двор, он представлял себе смутно, а о правилах приличия не слышал вовсе. Но ему хотелось сделать приятное госпоже Требс.

– Вы! – сказал он. – Вы, вы!

– Совершенно чокнутый, – согласился сам с собой господин Требс. – И мы на нем не заработаем ни гроша, только потратимся. А осел этот, хочу спросить...

– Потом спросишь, – остановила его госпожа Требс. – Дай мальчику хоть немного прийти в себя.

– Это место меня? – спросил Янис. И так как он и сам уже догадывался, что это какое-то другое место, добавил: – Нет?

– «Позолоченный кабан», – ответила госпожа Требс. – Вот уже много лет мы так называемся.

Янис приподнял голову.

– Кабан? И пиво есть?

Госпожа Требс рассмеялась.

– Вот ведь пройдоха.

Она не понимала, о чем он говорит. И про Великую хворь никогда не слышала. И про место меня тоже. По крайней мере, оно точно не здесь.

Янис просто должен был задать еще один вопрос.

– Ты знаешь Фрида?

– Вы, – поправила госпожа Требс.

– Вы, – повторил Янис. – Ты знаешь Фрида?

– Вы! «Вы знаете Фрида?» – сказала госпожа Требс. – Не ты, а вы.

– Ответь, это важно. Вы знаете Фрида?

– Нет.

– Старый, с бородой. У него мешок. Полный всякой всячины!

– Он твой родственник?

– Да, – ответил Янис. – То есть нет.

– Ты немного не в себе, – сказала госпожа Требс. – Не перенапрягайся.

Какая она мягкая, подумал Янис. Ему захотелось к ней прижаться. Он чувствовал себя маленьким и несчастным. Вот бы спрятаться ото всех бед, прильнув к этому мягкому округлому телу. И вот бы госпожа Требс его обняла, и утешила, и сказала бы, что всё будет хорошо. Янис уже хотел протянуть к ней руки, но всё-таки не решился. Наверное, она догадалась, что у него на душе. И, улыбнувшись, сама положила руку ему на лоб.

– Принеси-ка ведро! – крикнула она господину Требсу. – Горячей воды из котла. И мыло!

Господин Требс пропал из виду. Янис слышал, как он громко топает во дворе. Потом закричала какая-то дверь, и с другой стороны дома послышались звон и грохот. Скоро в комнату вошел господин Требс. Он поставил рядом с кроватью деревянное ведро.

– Одна лопатка коричневого мыла, – сказал он. – Прибавляем к счету!

Госпожа Требс помогла Янису сесть и опустила его ноги в ведро. Мыльная вода щипала натертую кожу. Когда Янис мыл ноги, а случалось это нечасто, то делал это сам. Было очень странно, что сейчас это делает кто-то другой. Госпожа Требс старалась не причинять ему лишней боли и после мытья, промокнув его ноги полотенцем, нанесла на них мазь. Потом она взяла белую тряпку и разорвала ее на длинные полоски.

– Один лоскут льна, – проворчал господин Требс. – Счет растет.

Янис смотрел, как госпожа Требс, напевая, обматывает его ноги полосками ткани. Ее песенка кружилась и завивалась колечками. То вверх, то вниз.

– Словно птичка поет, – заметил господин Требс.

– Да ну тебя, – засмеялась госпожа Требс. – Будь добр, дорогой, принеси молока и кусок хлеба.

– Хлеба и молока! – возмутился господин Требс. – Знала бы ты...

– Конечно, конечно, – сказала госпожа Требс. – Включи это в счет.

Янис сидел на кровати, откинувшись на подушку, и пил молоко из чашки. Господин Требс на дворе колол дрова. Эти привычные звуки напомнили Янису о доме. Удар топора и треск раскалывающегося полена. У Фрида это получалось очень точно, он каждый раз попадал, куда нужно. Господину Требсу случалось промахнуться – это было слышно: плюх!

– Черт тебя дерит! – выругался господин Требс.

Теперь ему придется вытаскивать топор из колоды, а это, знал Янис, дело непростое.

Госпожа Требс сидела на стуле у окна.

– Молоко у нас прекрасное, – похвасталась она. – Повезло нам с коровой.

Янис притворялся, что пил молоко всю свою жизнь. Сейчас нужно постараться говорить как можно меньше глупостей, он и так уже отличился. Ничего вкуснее молока он никогда не пробовал. Вкус был белый и пенистый. А хлеб какой! Мягкий, теплый и с хрустящей корочкой. И намазан не смальцем, а чем-то сладким. Впервые Янис не сожалел о том, что спустился вниз, с горы. Оказывается, в мире есть столько всего вкусного!

– Ну и проголодался же ты, – удивилась госпожа Требс. – Неужели ты не взял с собой еды в дорогу?

– Взял, – ответил Янис. – Ягоды и еще яйца, только огня не было. – Он отер рот. – А где Лока? – спросил он. – И Камешек?

– Собака – это Камешек или Лока? – Госпожа Требс не стала дожидаться ответа. – На конюшне они. И собака, и ослик.

– Мне надо к ним, – сказал Янис.

Госпожа Требс посмотрела на его забинтованные ноги и задумалась.

– Господину Требсу это не понравится, но я могу одолжить тебе пару носков, в них ты, пожалуй, дойдешь.

Забрав чашку, она вышла и оставила Яниса одного. На дворе затыкала собачка.

– Вот молодец, – сказал господин Требс. – Охранник наш!

И он вогнал топор в очередное полено. Хрясь!

Вернулась госпожа Требс. Принесла пару коричневых носков из пушистой шерсти. Янис надевал их медленно и очень осторожно. Он решил сделать это сам, госпожа Требс и так уже достаточно провозилась с его ногами.

Еще одна комната. Половичок в синюю полоску. Стол. На деревянном стеллаже стоят книги, целая полка! Янис остановился посмотреть.

– Всё в порядке? – спросила госпожа Требс.

Опять половики, на этот раз красные. Осталось переступить порог и выйти на двор. Янис опустил на стоящую у дома скамейку обессиленный, хотя и прошел всего несколько шагов.

– До конюшни еще далеко, – предупредила госпожа Требс.

Янис прислонился спиной к стене дома. Над дверью висела деревянная табличка с нарисованной на ней свиньей. «Позолоченный кабан» – гласила витиеватая надпись. Получается, кабан и свинья – одно и то же.

К ним подбежала собачка – черный пушистый шарик на быстрых ножках, с отчаянно виляющим хвостом.

– Продолжим? – спросила госпожа Требс.

Янис заставил себя подняться.

Госпожа Требс оказалась права, путь с забинтованными ногами и в носках оказался неблизким. Янису пришлось дважды останавливаться: один раз из-за боли, а второй – потому что дорогу им преградил господин Требс.

– Это что, мои носки?

– Да, – ответила госпожа Требс. – Он взял их поносить.

– Не забывай, – сказал господин Требс, – я всё записываю.

– И правильно, – ответила госпожа Требс. – Так и надо, дорогой.

Она взяла Яниса под руку. Они прошли мимо курятника, старой телеги и клочка земли с тоненькими ростками на ровных грядках.

– Тут у меня огородик, – сказала госпожа Требс. – А вот и конюшня.

Завидев Яниса, Лока радостно помчалась навстречу и прыгнула ему на грудь. Янис повалился на солому. Лока лизнула его в лицо, обежала круг по конюшне, вынырнула откуда-то сверху и сделала еще один круг. Камешек подошел к Янису и уткнулся носом ему в руку. Янис погладил Локу, и Камешка, и черную собачку, которая тоже захотела поиграть и скакала на коротеньких ножках вслед за Локой.

– Сейчас здесь всё так заброшено, – посетовала госпожа Требс. – А посмотрел бы ты, как тут было раньше! Когда у нас не оставалось ни единой свободной комнаты, и все постояльцы были не пешие. Бывало, что лошадей тут стояло по двадцать штук! Господин Требс еле справлялся с работой.

Двадцать лошадей. Настоящих лошадей. Это как целый мешок вишни, даже лучше.

– А гладить их было можно? – спросил Янис.

– Гладить? Да у меня не было на это времени. Я занималась готовкой, стиркой и уборкой. – Госпожа Требс тихонько рассмеялась. – Придумаешь тоже, гладить.

Янису удалось встать и самостоятельно сделать несколько шагов. У деревянной перегородки стояли его корзины. Он достал кроличье одеяло, сел в уголке на пышную солому и приложил одеяло мягкой стороной к лицу. Лока примостилась рядом с ним. За перегородкой послышалось сопение. Корова! Он обязательно встанет на нее посмотреть, только не прямо сейчас. Столько всего за один день! Столько новых непонятных слов. И все эти книги в доме – целая полка! Может быть, там есть картинки и ему разрешат их посмотреть.

Госпожа Требс подозвала к себе черную собачку и закрыла дверь в конюшню. Янис остался один. Он пока тут посидит и отдохнет. Он опять устал, но это из-за жара. У него жар и слабость, так сказала госпожа Требс. Он прислонился к деревянной стене. Под одеялом было тепло и уютно. От соломы исходил сладкий запах, а корова слегка посапывала и что-то мерно жевала. Янис слышал, как ее челюсти ходят туда-сюда.

Оказывается, он уснул, и госпожа Требс пришла его будить.

– Есть хочешь? – спросила она.

Янис вспомнил молоко.

– И пить, – ответил он.

Лока зевнула и потянулась всем телом.

Янис похлопал ее по спине. Больше всего она любит, когда ее легонько похлопывают обеими руками.

– Идем?

– Собака останется тут, – остановила его госпожа Требс. – Нам в доме чужие собаки не нужны.

– Но... – начал было Янис.

– Никаких «но», – отрезала госпожа Требс.

Янис прижал к груди кроличье одеяло.

– А это что? – спросила госпожа Требс и скривила лицо. – Неужели с собой хочешь взять? Ну уж нет! Отпусти!

Янис хотел протестовать, но госпожа Требс сказала, что его ждет суп с хлебом, и в животе у Яниса заурчало. Он свернул одеяло и положил его на солому рядом с корзинами.

– Сторожи! – велел он Локе. Она склонила набок голову и посмотрела на него с удивлением.

Ели за столом, суп был густой и жирный. Янис быстро разделался со своей тарелкой, и госпожа Требс спросила, не хочет ли он добавки. Черная собачка сидела на пороге и выпрашивала еду. Господин Требс кинул ей кусочек хлеба.

– Ничего себе, – сказал он госпоже Требс. – Добавки? А платить кто будет? Суп – это раз. Дальше: хлеб с молоком. Чистое постельное белье. Носки.

– Ну, носки-то он всего лишь взял поносить, – возразила госпожа Требс.

– Лен и мазь, – продолжал господин Требс. – А еще объедки для его собаки и корм для осла.

– Давайте я расплачусь ложками, – предложил Янис. – Одна у меня уже есть, и я скоро закончу следующую, а потом сделаю еще одну, этого должно хватить. – Тут он подумал, что с господином Требсом лучше оставаться в добрых отношениях. – Знаешь что? – сказал он. – Знаете что? Я сделаю вам еще две. – Он ничего не смыслил в обмене, но уж пяти ложек точно должно быть достаточно. Это почти столько же, сколько брал с собой Фрид, когда уходил меняться. И так как засиживаться в «Позолоченном кабане» слишком долго Янис не мог, он добавил: – Эти две я сделать не успею, но занесу их на обратном пути.

Господин Требс побагровел и ударил кулаком по столу, так что суп перелился через край тарелки на стол.

– Ложки! – закричал он. – На это мы не купимся! Ты заодно с Дабберталем! Так я и знал! Как только увидел осла, всё сразу понял! Сказать тебе, что мы делаем с такими людьми, как вы? Выпроваживаем их на все четыре стороны. И собаку на них спускаем!

Черная собачка завиляла хвостом.

– Он же не такой, как господин Дабберталь? – осторожно предположила госпожа Требс.

– Сомневаюсь! – отрезал господин Требс.

– А кто он, этот господин Дабберталь? – спросил Янис.

– Будто ты сам не знаешь! – крикнул господин Требс. Он схватил Яниса за руку. – А ну-ка отвечай! Эти ложки – это ваш с ним промысел?

– Но кто это? – спросил Янис. – Как он выглядит?

– Он такого же роста, как и господин Требс, – начала рассказывать госпожа Требс. – Только тощий. Темноволосый, курчавый, носит шапку, такую коричневую. И очень странно улыбается, я каждый раз вздрагиваю.

Господин Требс скривил рот.

– Да! – воскликнула госпожа Требс. – Именно так!

– Схенкельман! – выпалил Янис.

– Ага, значит, ты его знаешь. – Пальцы господина Требса впились в руку Яниса.

– Нет! – сказал Янис. – То есть да! Я видел его один раз.

– А осел? – спросил господин Требс. – Откуда у тебя осел господина Дабберталя?

– Успокойся, – сказала госпожа Требс. – Дорогой, да отпусти же мальчика наконец.

Господин Требс убрал руку.

– К постояльцам мы относимся доброжелательно, – сказала госпожа Требс. – Мы ведем себя вежливо и не задаем лишних вопросов. Но в данном случае... Сначала эти выдумки про какую-то хворь и про Фрида с мешком, полным всякой всячины, а теперь выясняется, что ты знаком с господином Дабберталем. Мне кажется, пора бы тебе кое-что рассказать. Кто ты...

– Пройдоха он, – вставил господин Требс.

– Помолчи, – сказала госпожа Требс. – Пусть сначала сам расскажет. Давай, Янис. Объясни нам, кто ты и откуда.

Янис очень старался не терять спокойствия. Давно ли здесь был Схенкельман? Ему хотелось знать, но он не осмеливался задавать вопросы. Господин Требс и так уже вон как разозлился.

– Я спустился со скалы, – сказал он. – С той стороны ущелья.

– Неужто ты перешел по чертову мосту? – удивилась госпожа Требс.

– Не так уж это и страшно, – сказал Янис. Ему было не до каменного моста. Надо начать с самого начала, это важнее. Янис рассказал, что родители его умерли и что живет он с Фридом, вдали от Великой хвори. Рассказал и о мене.

– Ложки! – воскликнул господин Требс.

– Иногда, – поспешил ответить Янис. На кроликах он решил не останавливаться и перешел к Схенкельману. Рассказал, что был один дома, когда тот поднялся на гору.

– Совсем один? – спросила госпожа Требс. – Правда?

– Не один, а с Локой, – ответил Янис. – И только пока не вернется Фрид.

Он рассказал, какие гадости Схенкельман говорил про Фрида. Всё это, конечно, ложь. А еще Схенкельман вел себя как дома. До чего же наглый, уму непостижимо! Лока цапнула его за штаны. Нет, за ногу! А Схенкельман как побежит! Только одного ослика взял с собой. Так испугался, что второго просто оставил. Янис рассказал, что он должен был, как и обычно, дожидаться Фрида, но в этот раз Фрид слишком уж долго не возвращался. Так и не вернулся. Вот Янис и ушел. Вот и забрался так далеко от дома. Чтобы найти Фрида.

– Но мне до сих пор так ничего и не удалось разузнать, – сказал он дрожащим голосом.

– Господи боже мой, – произнесла госпожа Требс.

– Этот Дабберталь, или Схенкельман, или как его там, оказался еще хуже, чем мы думали, – сказал господин Требс.

– Он часто остается у нас на ночлег, – сказала госпожа Требс. – Приходит где-то раз в две недели.

– Приходил, – поправил ее господин Требс.

– У нас последнее время не так много постояльцев, – пояснила госпожа Требс. – Так что мы принимали его с распростертыми объятьями. Но потом он больше не смог платить.

– И заявил, что, мол, будет платить ложками. По одной ложке за ночь. Ничего другого он нам предложить не мог.

– Ложки были с цветами? – спросил Янис. – С птицами?

– Я их так и не увидел, – ответил господин Требс.

– Одна была с оленем, – призналась госпожа Требс. – Такая красивая! – Она робко взглянула на господина Требса. – Я посмотрела у него в корзинах. Что в этом такого, подумала я, он и не узнает.

– С оленем! – воскликнул Янис. – Значит, это мои ложки.

– Дабберталь, – сказал господин Требс, – обманщик, это ясно. И наглец к тому же!

Госпожа Требс задумчиво глядела к себе в тарелку.

– Мы должны поверить мальчику, – сказала она господину Требсу.

– Посмотрим, – сказал господин Требс. – Но тебе незачем было залезать в корзины к господину Дабберталю. Негоже нам опускаться до такого поведения!

– Я только одного не понимаю, – сказала госпожа Требс. – Великая хворь, что это вообще такое?

– Она ползет ползком, – сказал Янис. – И скачет скоком. Стелется по земле...

– Да, – перебила его госпожа Требс, – это ты уже сообщил, когда мы тебя нашли. Но тут никому ничего ни о какой великой хвори не известно.

– Не слыхали ничего подобного, – подтвердил господин Требс.

– Так что непонятно: зачем вы поселились так далеко, на скале? – спросила госпожа Требс.

Янис не ответил.

– Может, Фрид что-то напутал, – продолжала госпожа Требс. Она провела рукой по столу и смела крошки в кучку. – Или он плохой человек. Я не говорю, что это так, но такая вероятность есть. Очень странная история, как ни крути.

– Подозрительная, – согласился господин Требс.

– Да уж, – сказала госпожа Требс. – Потому что никакой такой хвори великой у нас нет, да и не было никогда. Я думаю, ее и не существует.

– Конечно не существует, – подтвердил господин Требс.

Янис встал. Ему хотелось сказать, что Великая хворь существует. Ведь не зря же они жили в хижине на скале, да и Фрид знает про Великую хворь больше, чем господин и госпожа Требс вместе взятые. Но у него сжалось горло, а в голове зазвучал какой-то свист, высокий и пронзительный. Он отодвинул в сторону стул и заковылял на двор. Великая хворь существует, говорил он самому себе. Существует! Она ползет ползком и скачет скоком, стелется по земле и плывет по воде. Она оттяпает тебе нос, и пальцы, и всё остальное. Он еще раз повторил про себя всё от начала и до конца, но слова звучали глухо и безжизненно. И тут он понял. Никакой Великой хвори нет. Об этом даже страшно думать, но это так. Еще никогда он не видел человека, у которого была бы Великая хворь. И Схенкельман тоже никогда не видел такого человека. И господин и госпожа Требс точно знают, что Великой хвори не существует. Схенкельману верить нельзя, но господин и госпожа Требс говорят правду. Госпожа Требс просто не может врать. И еще кое-что. Янис спустился с горы, долго шел по лесу, и ничего не случилось. Если уж Великая хворь так хитра и опасна, она бы давно расквиталась с Янисом. Янис пощупал нос. В глубине души он даже надеялся, что кончика носа нет, – но всё было на месте.

И тут он страшно рассердился. На Фрида, который врал, а потом взял и пропал, и на Схенкельмана, который всё испортил. И на себя, потому что теперь непонятно, кому и чему верить. Янис сел на скамейку и стал бить себя руками по голове и выть. За дверью конюшни залаяла Лока. Камешек закричал, а черная собачка затыкала. Янис выл громче всех и не перестал, пока не выбился из сил.

Потом он вернулся в дом. Господин Требс стоял посреди комнаты. Побледневшая госпожа Требс прислонилась к стене.

– Я не знаю, – сказал Янис. Его голос звучал хрипло.

– Чего не знаешь? – спросила госпожа Требс.

– Ничего не знаю, – ответил Янис. И начал рыдать, так, что слезы ручьем полились по щекам.

Госпожа Требс подошла к нему. И обняла – и оттого, что она была такая теплая и мягкая, Янис разрыдался еще сильнее. Это было какое-то странно знакомое ощущение – что его обнимают, – из какого-то давно забытого прошлого.

Господин Требс прочистил горло.

– Отнесу собаке объедки, – сказал он. И добавил, помолчав: – За это можешь не платить. Объедки они и есть объедки, в счет их включать не буду.

Янис еще плакал, содрогаюсь всем телом.

Госпожа Требс гладила его по голове.

– Тише, тише, – приговаривала она. – Всё будет хорошо.

Когда стемнело, господин Требс зажег лампы. Госпожа Требс поставила на стол чайник, из его носика плыл запах ромашки. Для Яниса она принесла чашку теплого молока. Он растягивал его по глоточку, медленно-медленно.

– Когда к вам заходил Схенкельман? – спросил он.

– Несколько дней назад, – ответила госпожа Требс. – Как раз тогда он и начал говорить про ложки. Мы отказались, но я всё же посмотрела. Больше всего мне понравилась та ложка с оленем. А еще была с птицей, кажется, вороном, и даже перышки было видно, как будто он сейчас возьмет и улетит.

– Это я сделал, – сказал Янис. Это были самые последние его ложки, но об этом он умалчал. Фрид взял их с собой, когда уходил.

– Хорошая работа, – похвалила госпожа Требс. – Да, вот что. Мне следовало сказать раньше. Схенкельман, или он всё-таки Дабберталь? Короче, он... – Она двигала свою чашку взад-вперед. – Он дал мне бутылку с каким-то зельем.

– Как это? – взвился господин Требс. – Я же говорил ничего у него не брать!

Госпожа Требс его перебила.

– Я сказала, чтобы оставил свое зелье себе, но он его не забрал. Еще и велел расходовать понемножку, очень уж оно, говорит, целебное. – Она встала и пошла на кухню.

– Я ничего об этом не знал! – крикнул ей вслед господин Требс.

Вернувшись, госпожа Требс поставила бутылку на стол ярлыком к Янису. Он узнал эти буквы. Можно было не читать, он и так знал, что там написано.

«Сретство от каждадневных недугов. Изготовлено по секретному рицепту, состоящему из знаний и луттиих трав».

Но вот ботинки Фрида он больше не наденет

Янис хотел пойти на конюшню.

– Уже поздно, – сказала госпожа Требс. – Даю тебе четверть часа – и в постель.

– Я буду спать там, – сказал Янис.

– Этого я тебе не разрешаю, – сказала госпожа Требс.

Янис не сдавался, а госпожа Требс всё не соглашалась. В конце концов господину Требсу надоело это слушать.

– Женщина! Если с животными ему спокойнее,пусти его.

Госпожа Требс накинула на плечи клетчатый платок и повела Яниса через двор, держа в руке фонарь, чтобы ему светить.

– Господин Требс не злой человек, – говорила она по дороге. – Да, он вспыльчивый, но ему тоже нелегко. Мы уже очень давно держим постоянный двор, но еще никогда дела не шли так плохо, как сейчас. Людей совсем нет. Дороги в ужасном состоянии, а на чертов мост никто в здравом уме не сунется. – Она остановилась. – И ты больше не смей. Никогда, слышишь? – Она протянула Янису руку, чтобы он мог опираться на нее. – Постоялый двор с пустующими комнатами – вот до чего мы докатились. А если кто и заглядывает, то обещает расплатиться ложками!

Янис до сих пор был в носках господина Требса. Носки были дырявые, и ноги у него замерзли. Тонкие бинты не спасали от вечернего холода. Янис обхватил руку госпожи Требс.

– Готов идти дальше? – спросила она. – Молодец.

Мимо старой телеги и огородика они вышли к двери конюшни. Госпожа Требс открыла ее, и оттуда сразу же выскочила Лока и влажным носом уткнулась Янису в ладонь.

– Ну, я пойду, – сказала госпожа Требс. – Фонарь заберу с собой. Огня здесь не разводи. Песенку знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.